

Фиолетта

ИЗМЕНА: Ты Заслужил Кляп!

Фиолетта

ИЗМЕНА:
Ты Заслужил Кляп!

Фиолетта - Измена: Ты Заслужил Кляп!

<https://litres.ru/74535522>

Аннотация

— Ты для этого слишком «чистая», Ева, — шептал мой муж, надевая на меня жемчужное кольцо. А через неделю я увидела его в нашей тайной квартире. С другой. Там не было жемчуга. Там был латекс, кляпы и те самые грязные фантазии, в которых он мне отказывал семь лет.

Руслан Волков — мой личный бог и хозяин. Он привык, что я встречаю его на коленях и живу по его «Протоколу». Но он нарушил главный пункт — верность. Думаешь, я буду плакать и подам на развод? Нет, милый. Ты сам научил меня, что за нарушение правил следует наказание.

Теперь я застегну ошейник на твоей шее. Я заставлю тебя молчать и слушать. Ты заслужил свой кляп, Руслан. И пока я не разрешу — ты не издашь ни звука.

В тексте вас ждут: Властный герой, который очень сильно облажался Тихая героиня с железным стержнем Истинная месть: изменник на коленях (буквально) Очень горячо, БДСМ-эстетика, смена ролей Хэппи-энд (но путь к нему будет болезненным)

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13
Глава 3 (Руслан)	22
Глава 4	29
Глава 5	37
Глава 6	49
Глава 7 (Руслан)	61
Глава 8	72
Глава 9	85
Глава 10	99
Глава 11 (Руслан)	109
Глава 12	117
Глава 13	133
Глава 14 (Руслан)	144
Глава 15	157
Конец ознакомительного фрагмента.	159

Глава 1

Рассвет над Невой в октябре всегда напоминал мне застывшую ртуть — такой же холодный, вязкий и неестественно блестящий. В панорамных окнах нашего пентхауса на Крестовском мир казался декорацией к фильму о достигнутом успехе, где каждый блик на стекле был оплачен чьей-то кровью или моим абсолютным послушанием.

Я проснулась за три минуты до того, как сработал биометрический замок сейфа в гардеробной. Тихий, едва уловимый щелчок — звук, который за семь лет стал моим личным камертоном. Он означал, что Руслан встал. Что мой Хозяин вернул себе право распоряжаться пространством нашего дома.

Я не шевелилась. Лежала на спине, вжимаясь лопатками в шелк простыней оттенка графита, и слушала тишину. В этом доме тишина никогда не была пустотой; она была натянутой струной, по которой Руслан ходил с грацией хищника, привыкшего к тому, что жертва замирает при его приближении.

Шаги. Тяжелые, размеренные. Я слышала, как он прошел в душ, как зашумела вода. Мое тело отозвалось привычным трепетом — смесью глубокого, почти религиозного обожания и выученной дисциплины. Руслан «Волк» Волков не просто входил в комнату, он ее апроприировал.

Когда дверь ванной открылась, я уже сидела на краю кро-

вати, опустив ноги на холодный пол. Мои волосы — длинные, цвета темного ореха — рассыпались по плечам. На мне не было ничего, кроме тонкого шелкового халата, который он выбрал для меня сам.

Руслан вышел, обмотав полотенце вокруг мощных бедер. В сорок лет он выглядел пугающе безупречно. Шрамы на его спине — память о службе в спецназе — складывались в причудливую карту, которую я знала наизусть, кончиками пальцев, губами, вдохами. Его плечи были развернуты, взгляд серых глаз, тяжелых, как грозовое небо над Финским заливом, медленно скользнул по мне, проверяя осанку, выражение лица, степень готовности.

— Доброе утро, Ева, — его голос, низкий, с хрипотцой, вибрировал где-то в районе моего солнечного сплетения.

— Доброе утро, Руслан, — я склонила голову ровно на тот угол, который прописывал наш Протокол. Ни градусом больше, ни меньше.

Он подошел ближе. От него пахло морозным кедром и дорогим мылом. Его рука, крупная, с короткими, аккуратно подстриженными ногтями, легла мне на затылок. Пальцы слегка сжались, заставляя меня посмотреть ему в глаза. В этом жесте не было агрессии — только утверждение прав собственности.

— Сегодня важный день, — произнес он, слегка потянув мои волосы назад. — У меня встреча с инвесторами в «Охта-центре», потом закрытый ужин. Буду поздно. Ты знаешь,

что делать.

— Да, Руслан. Я буду ждать.

Он отпустил меня, и я тут же поднялась, чтобы начать наш утренний ритуал. На кухне, сияющей сталью и черным мрамором, я двигалась бесшумно. Никакого лязга посуды, никаких лишних звуков. Руслан ненавидел бытовой шум.

Я готовила его завтрак: три яйца пашот, подсушенный зерновой хлеб, свежий сок грейпфрута и кофе — черный, как его характер, без единого намека на сахар. Когда он вошел в кухню, уже одетый в белоснежную рубашку, которая подчеркивала его загар, я замерла у острова.

Он сел. Я не ставила тарелку перед ним. Это был момент, который мы никогда не пропускали. Я опустилась на колени у его правого колена. Мои ладони легли на бедра, спина осталась идеально прямой.

— Сервируй, — небрежно бросил он, не глядя на меня.

Я поднялась ровно настолько, чтобы поставить перед ним завтрак, и снова опустилась. Для Литнета и всех тех женщин, что ищут в книгах спасения, это могло показаться унижением. Для меня же в этом был высший смысл. Когда я пришла к Руслану семь лет назад, я была разбитой вазой, которую нерадивый мастер пытался склеить дешевым ПВА. Я была тихой реставраторшей мебели, чей мир рухнул после потери родителей и предательства первого встречного. Руслан взял эти осколки и пересобрал меня. Он дал мне структуру. Он стал моим хребтом.

Он ел медленно, просматривая котировки акций на планшете. Я чувствовала его власть каждой клеткой кожи.

— Твоя выставка через месяц, — сказал он, отпивая кофе. — Артур звонил, сказал, что галерея готова. Я хочу, чтобы ты представила там то бюро восемнадцатого века. Оно должно быть идеальным.

— Я закончу его на этой неделе, — ответила я, глядя в пол.

— Хорошо. Ты — мое отражение, Ева. Моя гордость. Помни об этом, когда берешь в руки инструменты. Ты не просто реставратор. Ты — женщина Волкова.

Он закончил завтрак и встал. Я поднялась следом, следуя за ним в прихожую. Здесь, в тени огромного зеркала в золоченой раме, происходил финальный акт.

Руслан подошел к консоли и открыл небольшую шкатулку из черного дерева. Внутри, на бархатной подложке, лежал он. Мой ошейник.

Это не была громоздкая БДСМ-атрибутика из дешевых порнофильмов. Это было произведение искусства. Тонкая полоска черной кожи высшей выделки с миниатюрным замком из белого золота. Никаких шипов, никаких колец. Просто клеймо. Знак того, что в этом огромном, хаотичном мире я принадлежу самому сильному человеку, которого знала.

— Подойди, — приказал он.

Я сделала шаг. Подняла подбородок, обнажая горло. Это был момент абсолютной уязвимости.

Руслан взял ошейник. Его пальцы, привыкшие к оружию и власти, действовали с ювелирной точностью. Прохладная кожа коснулась моей шеи. Щелчок замка — и я почувствовала, как круг замкнулся. Он проверил натяжение, просунув два пальца между ремешком и моей кожей.

— Тесно? — его глаза впились в мои.

— Нет, Руслан. В самый раз.

— Ты моя чистая девочка, Ева. Мой ангел. Сохрани этот свет для меня до вечера. Не разочаруй меня.

Он наклонился и поцеловал меня в лоб. Это был жест покровителя, божества, снизошедшего до своей паствы. Никакой страсти — страсть будет ночью, когда он сорвет с меня этот шелк и заставит стонать его имя, срывая голос. Сейчас была только дисциплина.

Дверь за ним закрылась. Я услышала, как уехал лифт.

Только тогда я позволила себе выдохнуть. Одиночество в нашей квартире всегда ощущалось странно. С одной стороны — свобода, с другой — гнетущее ожидание его возвращения. Я подошла к зеркалу.

Из отражения на меня смотрела женщина с фарфоровой кожей и глазами, в которых застыла вековая печаль реставратора, привыкшего иметь дело с прахом и прошлым. Ошейник на шее смотрелся как дорогое украшение, если не знать, что ключ от него — в кармане его пиджака.

Я коснулась пальцами кожи на горле. «Чистая девочка». «Святая».

Эти слова Руслана всегда вызывали у меня двойственное чувство. С одной стороны, они ласкали эго. С другой — я иногда чувствовала себя экспонатом в его личной коллекции. Редкой вещью, которую нельзя трогать грязными руками. Он оберегал мою «чистоту» с фанатизмом коллекционера, не позволяя мне даже намека на те темные практики, о которых я иногда читала на закрытых форумах. Для него я была вершиной эстетики, его тихим омутом.

Я не знала, что в этот самый момент, пока я восхищалась своей участью, Руслан Волков уже планировал свой день, в котором моей «святости» места не было. Что мой Волк нашел себе другую добычу — ту, которую не жалко испачкать.

Я прошла в свою мастерскую — огромную комнату в конце коридора, где пахло древесной стружкой, воском и льняным маслом. Здесь стояло то самое бюро. Старый дуб, изъеденный временем и забвением.

Я взяла скальпель. Мои движения были точными, почти хирургическими. Я снимала слой за слоем старый лак, обнажая истинную текстуру дерева. Это была моя работа — возвращать вещам их суть.

Но кто вернет суть мне, когда мой мир из стекла и золота даст трещину?

Я работала около трех часов, полностью погрузившись в процесс. Телефон на столе вибрировал — Артур, наш адвокат, прислал отчет по документам галереи. Я не ответила. Артур всегда был слишком настойчив, слишком внимателен

к деталям моего настроения. Мне иногда казалось, что он видит сквозь мой ошейник.

В районе полудня я решила сделать перерыв. Вышла из мастерской, намереваясь заварить чай. Проходя мимо гардеробной, я заметила на полу темное пятно.

Пиджак Руслана.

Тот самый, в котором он был вчера на благотворительном вечере. Видимо, он соскользнул с вешалки, или Руслан в спешке бросил его мимо. Для человека его склада это было вопиющим нарушением порядка.

Я подняла его. Дорогая шерсть, тяжелая и теплая. Я поднесла пиджак к лицу, ожидая почувствовать его запах.

Но вместо кедра и морозного воздуха мне в нос ударил другой аромат.

Сладкий, приторный, с нотками дешевого мускуса и чего-то вульгарного. Запах женских духов, которые никогда бы не купила я. Запах, который не мог принадлежать секретарю или бизнес-партнеру.

Мое сердце пропустило удар. Тишина в квартире вдруг стала другой — не защищающей, а зловещей.

Я провела рукой по ткани и почувствовала в боковом кармане какой-то предмет. Я не должна была этого делать. Жена Волкова не обыскивает своего мужа. Это нарушение Контракта. Это недоверие.

Но мои пальцы уже нырнули внутрь.

Я достала небольшой прямоугольник бумаги. Кассовый

чек.

Я тупо смотрела на строчки, буквы расплывались перед глазами.

Магазин «Dark Desires».

Наименование товара:

Кляп-шарик, силикон, черный.

Комплект фиксаторов для лодыжек.

Латексный костюм, размер S.

Мой размер — XS. И у нас в спальне никогда не было кляпов. Руслан говорил, что мой голос — это музыка, которую он не вправе заглушать.

Чек выпал из моих пальцев, медленно планируя на ковер.

В ту секунду я услышала, как за окном кричит чайка. Громко, надрывно. Словно она видела то, что я только начинала осознавать.

Мой «Волк» купил кляп. Но не для меня.

Я посмотрела на свои руки. Они дрожали. Скальпель в мастерской ждал своего часа, но сейчас мне хотелось взять его не для того, чтобы реставрировать дерево.

Я коснулась ошейника. Он вдруг стал невыносимо тяжелым. Он душил меня.

«Чистая девочка», — эхом пронеслось в голове.

Я медленно опустилась на пол, прямо на пиджак Руслана, вдыхая чужой, дешевый запах его измены. Мой идеальный

мир не просто дал трещину. Он рассыпался в пыль, обнажая под слоем лака гнилую, изъеденную червями ложь.

Глава 2

Термобумага в моих пальцах ощущалась чешуей мертвой змеи. Я сидела на полу гардеробной, среди рядов безупречно выглаженных рубашек и тяжелых кашемировых пальто, и смотрела на цифры, которые методично выжигали во мне всё то, что я называла «собой».

18:45. Вчера.

Магазин «Dark Desires».

В это время я ставила в духовку сибаса с травами, потому что Руслан написал: «Задерживаюсь на совещании с инвесторами, буду поздно, ужинай без меня, маленькая». Я тогда еще улыбнулась экрану, чувствуя вину за то, что он так много работает ради нашего благополучия. А он в это время выбирал кляп. Силиконовый. Черный.

Размер S.

Я непроизвольно коснулась своих бедер. У меня был честный XS. Вся моя одежда шилась либо на заказ, либо подгонялась в элитном ателье, чтобы сидеть как вторая кожа — ни одной лишней складки, ни одного изъяна. Та, для которой он купил этот латексный костюм, была... крупнее. Громче. Грубее.

Я вспомнила наш разговор месяц назад. Мы тогда лежали в полумраке после сессии. Руслан был нежен, его рука лени-

во скользила по моему позвоночнику, прослеживая каждый позвонок. Я, вдохновленная какой-то дурацкой статьей о доверии в паре, прошептала ему на ухо:

— Руслан... может, мы попробуем что-то еще? Что-то более... темное? Я видела в каталоге фиксаторы и кляпы...

Он тогда замер. Его рука остановилась, и я почувствовала, как температура в комнате словно упала на десять градусов. Он повернул меня к себе, и его взгляд был ледяным.

— Ева, — произнес он тогда тоном, не терпящим возражений. — Я надел на тебя ошейник, чтобы защитить твою чистоту. Ты для меня — храм. Я прихожу к тебе, чтобы очиститься от той грязи, в которой барахтаюсь весь день. Ты не порноактриса. Ты моя жена. Больше никогда не смей предлагать мне превратить нашу спальню в притон.

Тогда я плакала от стыда. Я чувствовала себя грязной за то, что вообще об этом подумала. Я благодарила его за то, что он хранит мою святость.

А теперь я держала в руках чек из притона.

Я медленно поднялась. Ноги были ватными, но в голове вдруг прояснилось. Это была профессиональная деформация реставратора: когда ты находишь под слоем позолоты на антикварном комодe гнилую древесину, ты не плачешь. Ты берешь инструменты и начинаешь вскрывать поверхность, чтобы понять масштаб разрушения.

Я не стала вешать пиджак. Я перенесла его к свету, под мощную лампу моей мастерской, куда зашла, заперев дверь на засов.

Подкладка из натурального шелка хранила тепло его тела, но теперь этот запах кедра и морозного воздуха казался мне маскировкой. Я начала методичный осмотр. Руслан был профессионалом в вопросах безопасности, он был бывшим спецназовцем, он знал, как зачищать следы. Но он был слишком уверен в моем послушании. Для него я была предметом интерьера. А кто прячется от мебели?

На правом лацкане, у самой кромки шва, я заметила нечто странное. Не волос. Не пятно. Крошечная, едва заметная искра. Я взяла лупу, которой обычно рассматривала кракелюры на старой краске.

Шиммер. Мелкие золотистые блестки. Я никогда не пользовалась такой косметикой — Руслан предпочитал на моем лице матовую кожу и естественность. Этот шиммер был дешевым, он кричал о ночных клубах, о липких барных стойках и быстрых ласках в туалетных кабинках.

Я прижалась лицом к ткани пиджака в районе воротника. Запах кедра отступил, и из глубины волокон выплыло оно — то самое «кондитерское» амбре. Ваниль, перемешанная с едким мускусом и запахом пота. Запах чужой женщины. Она была там. Она терлась о его плечо, она смеялась, пока он расплачивался за девайсы, которые собирался использовать на ней.

В этот момент мой телефон, оставленный на верстаке, взорвался резкой мелодией.

Я вздрогнула так, что едва не выронила пиджак. На экране высветилось фото: Руслан на фоне заката, суровый и прекрасный. Мой Хозяин. Мой личный бог.

Я сделала глубокий вдох. Реставрация требует твердой руки. Если рука дрогнет — вещь будет испорчена навсегда.

Я ответила на вызов на третьем гудке. Ровно столько, сколько требовалось по нашему негласному этикету.

— Да, Руслан, — мой голос прозвучал удивительно ровно. Навык подчинения имел свои плюсы: я умела контролировать даже дыхание.

— Ева, — его голос обволакивал, как тяжелый бархат. — Как продвигается работа над бюро? Ты не отвлекаешься?

— Нет, я как раз снимаю старый лак. Работа кропотливая, — я посмотрела на пиджак, лежащий на моем столе рядом с растворителями. — Всё идет по плану.

— Хорошо. Ты молодец. Я освобожусь раньше, чем планировал. Буду дома к восьми. Ужин должен быть легким, я не голоден. И, Ева...

Я замерла, сжимая трубку так, что побелели костяшки пальцев.

— Да?

— Жди меня в черном шелке. В том платье с открытой

спиной, которое я купил тебе в Милане. И надень чулки. Сегодня я хочу видеть тебя особенно послушной.

В этих словах, которые раньше заставили бы мое тело отозваться сладкой дрожью, теперь я слышала только издевку. Он хотел видеть меня «послушной» и «чистой», чтобы смыть с себя вкус той, другой. С которой он был нежен в латексе. Которой он, возможно, уже успел вставить в рот тот самый силиконовый шарик.

— Я поняла тебя, Руслан. Я буду готова.

— Умница. До вечера.

Связь прервалась. Я стояла в тишине мастерской, где пахло древесной пылью и скипидаром. Осеннее солнце Петербурга, бледное и немощее, пробивалось сквозь пыльное окно, высвечивая пылинки, танцующие в воздухе.

Я посмотрела на бюро восемнадцатого века. Чтобы вернуть ему первоначальный блеск, мне нужно было соскрести семь слоев дешевой масляной краски, которой его покрыли варвары в советское время. Семь слоев лжи. Семь лет моего брака.

Я взяла шпатель. Резким, рваным движением я провела по поверхности дерева. Стружка посыпалась на пол.

Безопасность. Вот что он мне обещал. В БДСМ-сообществе, к которому он так гордо себя причислял, безопасность — это фундамент. Доминирование — это не про избиение и не про унижение, это про ответственность за того, кто доверил тебе свою душу.

Руслан Волков нарушил Контракт. Он принес в нашу общую крепость заразу.

Я подошла к шкафу, где хранила свои химикаты. Среди банок с олифой и воском стояла небольшая бутылочка с едким щелочным составом. Он снимал любую краску, но если передержать — он сжигал само дерево.

Я открыла пробку. Запах ударил в нос, заставляя глаза слезиться.

«Я узнаю, кто она, Руслан. Я сниму с тебя этот слой репутации и чистоты. Я увижу твою гниль. А потом... потом ты сам попросишь меня надеть на тебя кляп. Чтобы не слышать собственного воя от того, что ты потерял».

Часы на стене методично отсчитывали время. Три часа до его прихода. Три часа на то, чтобы Ева, тихая жена и талантливый реставратор, окончательно умерла, уступив место кому-то другому. Кому-то, кто не боится испачкать руки в щелочи.

Я пошла в ванную.

Ритуал подготовки к его возвращению всегда был для меня сакральным. Я принимала ванну с маслами, тщательно выбривала каждый миллиметр кожи, наносила лосьон, который он любил.

Сегодня я делала всё то же самое, но мои движения были механическими. Я смотрела на себя в зеркало над раковиной. Пар от горячей воды застилал поверхность, и я стерла

его ладонью.

Ошейник. Тонкая черная полоска на шее.

Раньше я видела в нем символ принадлежности любимому мужчине. Теперь я видела в нем петлю.

Я тщательно нанесла макияж. Никакого шиммера. Только матовые тени, безупречные стрелки и бледные губы. Я должна была выглядеть как его «ангел». Как его «святая Ева». Это была моя броня. Моя маскировка.

Я надела черное шелковое платье. Ткань холодила кожу, струясь по телу до самого пола. Спина была полностью обнажена — Руслан любил видеть мою незащищенность.

Я застегнула чулки. Щелчок подвязок прозвучал как взвод затвора.

В семь сорок пять я вышла в гостиную. Я приглушила свет, оставив только торшер в углу и подсветку аквариума, где в полной тишине плавали экзотические рыбы. Они тоже были заперты в своем идеальном мире, из которого не было выхода.

Я села в кресло. Сложила руки на коленях. Спина прямая, взгляд направлен чуть ниже уровня глаз — идеальная поза ожидания.

В восемь ноль три в прихожей раздался звук поворачивающегося ключа.

Сердце забилося где-то в горле, мешая дышать. Каждый удар отзывался в ошейнике.

Хлопок двери. Шум брошенных на консоль ключей. Тяжелые шаги.

Руслан вошел в гостиную, на ходу ослабляя узел галстука. Он выглядел усталым, но в его глазах, когда он увидел меня, вспыхнул тот самый хищный огонек, который я всегда принимала за страсть.

— Здравствуй, Ева, — произнес он, останавливаясь в паре шагов от меня.

Я не поднялась. Я ждала команды.

— Здравствуй, Руслан.

Он подошел ближе, протянул руку и медленно провел пальцами по моей щеке, спускаясь к шее. Его пальцы были холодными.

— Ты сегодня... необычайно тихая, — заметил он, прищурившись. — Что-то случилось в мастерской?

Я подняла на него взгляд — чистый, преданный, пустой.

— Нет, Руслан. Просто я очень тебя ждала.

Он улыбнулся — той самой снисходительной улыбкой, от которой мне впервые захотелось ударить его чем-то тяжелым.

— Умница. Пойди, приготовь мне виски. А потом... потом мы проверим, насколько хорошо ты научилась терпению

за этот день.

Он развернулся и пошел в спальню, на ходу снимая пиджак. Тот самый пиджак, который я аккуратно повесила на место, предварительно сфотографировав чек и сохранив его в облачном хранилище под паролем.

Я встала. Шелковое платье зашуршало, как чешуя змеи.

Игра началась. И в этой игре у Руслана Волкова не было шансов, потому что он даже не подозревал, что его «кукла» научилась кусаться.

Я пошла к бару, и в каждом моем шаге была ледяная решимость. Сегодня я буду самой послушной женой в мире. Самой тихой. Самой святой.

Потому что тишина — это лучший фон для того, чтобы услышать, как рушится чья-то жизнь.

Глава 3 (Руслан)

от лица Руслана

Город в октябре напоминал разлагающийся труп атланта: серый, обветшалый, зажатый между свинцовым небом и ледяной водой Невы. Я вел свой «Гелендваген» сквозь вечерние пробки, и звук мотора, низкий и утробный, был единственным, что успокаивало мои нервы. В этом городе всё имело свою цену, свой ритм и свой протокол. Я знал их все. Я сам их создавал.

Ева была моим главным достижением. Моим шедевром.

Когда я семь лет назад вытащил её, едва живую от горя, из пыльной мастерской её отца, она была похожа на брошенную скрипку Страдивари, по которой прошли кованным сапогом. Я не просто дал ей деньги. Я дал ей форму. Я выстроил вокруг неё периметр безопасности, о котором другие женщины могут только мечтать. В моем мире — мире ЧОПов, спецподразделений и жестких мужских контрактов — Ева была единственным местом, где не нужно было ждать удара в спину.

Моя «святая Ева». Моя чистая, хрупкая кукла.

Я бросил взгляд на свое отражение в зеркале заднего вида. Глаза сухие, взгляд тяжелый. Я любил свою жену так, как коллекционер любит полотно Рафаэля — с благоговением и страхом оставить на нем хоть малейшее пятно. Именно по-

этому я никогда не приносил в наш пентхаус ту тьму, которая клочкотала во мне со времен службы.

Для Евы я был защитником. Хозяином, который застегивает ошейник с нежностью ювелира. Она не знала и не должна была знать, что её «Волк» иногда испытывает потребность не в нежности, а в крови. В грязи. В криках, которые не имеют ничего общего с любовью.

Вчера, в 18:45, когда я стоял в «Dark Desires», я чувствовал себя так, словно покупал патроны для секретной миссии. Продавец, сублильный парень с татуировкой змеи на шее, узнал меня — я не в первый раз заходил за «расходным материалом».

— Кляп-шарик, силикон? Хороший выбор, Руслан Игоревич. Не травмирует челюсть при длительном использовании. И комплект фиксаторов... Желаете подарочную упаковку?

Я усмехнулся. Подарочную? Кире было плевать на упаковку. Ей нужны были только мои деньги и та жесткость, от которой она заходила в экстазе.

Кира была антидотом. Она была всем тем, чем Ева не являлась и никогда не станет. Вульгарная, шумная, пахнущая приторным мускусом и дешевыми амбициями. Она была моим персональным сточным каналом. С ней я мог быть зверем. С ней я мог забыть о том, что я — респектабельный владелец охранного холдинга.

Я вспомнил вчерашнюю сессию. Латекс, скрипящий под моими пальцами. Вкус её помады — дешевый, химический.

Её покорность была другой — не тихим принятием Евы, а жадным, грязным выпрашиванием боли.

— Пожалуйста, Хозяин... еще...

Я не чувствовал к ней ничего, кроме брезгливости. Но именно эта брезгливость и была топливом для моего либидо. Чем больше я презирал Киру, тем сильнее хотел её сломать. А потом, после всего, я шел в душ, смывал с себя этот липкий слой чужой похоти и возвращался к Еве.

Я считал это честной сделкой. Я хранил чистоту своей жены, сбрасывая пар на стороне. Я берег её святость так же неистово, как другие берегут государственные тайны. Если бы я принес свою тьму домой, Ева бы рассыпалась. Она — тончайший фарфор, реставрация которого стоит целой жизни. А Кира... Кира была пластиком. Одноразовым, заменяемым, удобным.

Вчерашний чек. Я сунул его в карман пиджака, не глядя. Досадная оплошность, но не критичная. Ева никогда не касается моих вещей без приказа. Она слишком хорошо вышколена. Она уважает мои границы так же, как уважает мой выбор ошейника для неё. Она — единственное существо в этом лживом мире, которому я доверяю на сто процентов. Именно поэтому я могу позволить себе быть слабым рядом с ней. Нет, не слабым — спокойным.

Я припарковал машину в подземном паркинге и несколько минут просто сидел в тишине, слушая, как остывает двигатель.

Нужно было переключиться. Стереть из памяти вкус латекса и вульгарные стоны Киры. Оставить зверя здесь, в бетонной коробке парковки. Домой должен войти Руслан Волков — любящий муж, защитник, опора.

Поднимаясь в лифте, я поправил узел галстука. В зеркальной поверхности металла отразился мужчина с жестким лицом, в глазах которого не было и тени раскаяния. Раскаяние — для тех, кто сомневается в своем праве. Я не сомневался. Я обеспечил Еве жизнь, о которой она не смела и мечтать. Я дал ей возможность заниматься своим искусством, не думая о хлебе насущном. Разве пара часов с грязной девкой — слишком высокая цена за её благополучие?

Я открыл дверь своим ключом.

В пентхаусе царил полумрак. Мой любимый режим. Ева знала, что я не люблю яркий свет после рабочего дня. Пахло воском, дорогим деревом и чем-то неуловимо женственным. Её запахом.

Я бросил ключи на консоль и прошел в гостиную.

Она ждала меня. Сидела в кресле, идеально прямая, руки на коленях. Черный шелк платья ложился на её бедра тяжелыми волнами, обнажая хрупкие плечи и ту самую спину, которую я готов был защищать от всего мира.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Она была прекрасна. Такой пугающей, неземной красотой, от которой внутри всё сжималось. Мой ангел. Моя тихая пристань.

— Здравствуй, Ева, — произнес я, подходя ближе.

В её взгляде было что-то новое. Какая-то глубина, которую я не мог прочесть с ходу. Раньше она сияла обожанием, а сейчас... сейчас она была похожа на глубокое озеро под слоем льда.

— Здравствуй, Руслан, — её голос был ровным, без единой лишней ноты.

Я коснулся её щеки. Кожа была холодной, почти мраморной. Я медленно спустил руку к её шее, нащупывая пальцами кожаную полоску ошейника. Этот жест всегда действовал на меня как наркотик. Моя. Только моя. Никто больше не имеет права даже смотреть на это горло, не то что касаться его.

— Ты сегодня... необычайно тихая, — я прищурился, пытаясь поймать её мысли. — Что-то случилось в мастерской?

Она подняла на меня глаза. В них не было страха. Только какая-то странная, пугающая покорность, которую я принял за высшую стадию преданности.

— Нет, Руслан. Просто я очень тебя ждала.

Я улыбнулся. Всё шло по моему плану. Мир стоял на своих местах. Ева — на коленях (пусть пока только метафорически), я — во главе стола.

— Умница. Пойди, приготовь мне виски. А потом... потом мы проверим, насколько хорошо ты научилась терпению за этот день.

Я развернулся и пошел в спальню, на ходу снимая пиджак. Я бросил его на банкетку, не заботясь о том, что он может помяться. Завтра Ева приведет его в порядок. Она всегда при-

водит в порядок мою жизнь.

Зайдя в душ, я подставил голову под горячие струи воды. Я смывал с себя этот день, смывал Киру, смывал фальшивые стоны. Я готовился к встрече со своей Истиной.

Я и представить себе не мог, что в десяти метрах от меня, в нашей уютной кухне, Ева наливает мне виски, а в её голове уже зреет план моей казни.

Я считал себя Хозяином положения. Высшим хищником. Но я забыл одну простую истину: самый опасный зверь — это тот, которого ты считал прирученным.

Я вышел из душа, обмотав полотенце вокруг бедер, и посмотрел на свое отражение в запотевшем зеркале. Я был доволен собой. Я был на вершине.

— Ева! — позвал я, выходя в спальню.

Она вошла через секунду, неся стакан на серебряном подносе. Она двигалась плавно, как видение. Она подошла ко мне, опустила глаза и протянула виски.

Я взял стакан, пригубил обжигающую жидкость и посмотрел на неё сверху вниз.

— На колени, — скомандовал я.

Она подчинилась мгновенно. Шелк платья зашуршал о ковер. Она опустилась у моих ног, склонив голову, открывая мне вид на затылок и золотой замочек ошейника.

Я положил руку ей на голову, запуская пальцы в густые волосы.

— Ты — всё, что мне нужно, Ева. Помни об этом.

Я искренне так считал. Я любил её больше жизни. Но я любил её как свою собственность, как часть своего «Я». И я был абсолютно уверен, что это «Я» — бессмертно.

Этой ночью я брал её с особой страстью, пытаюсь вытравить из памяти всё лишнее. Я был жестким, требовательным, я наслаждался её каждым вздохом, каждой дрожью. Я не заметил, что её объятия были холоднее обычного. Я не заметил, что она не закрывала глаза, когда я доводил её до пика.

Я заснул, чувствуя себя победителем.

А Ева лежала рядом, слушая мое ровное дыхание, и в её глазах, отражающих свет луны, не было ни капли той любви, на которой я выстроил свой замок. Там была только холодная, режущая сталь.

Мой ангел начал свой путь во тьму. И вести её туда буду я сам, даже не подозревая, что ключ от моей клетки она уже выковала в своей мастерской.

Завтра будет новый день. И завтра я снова надену на неё ошейник.

Я еще не знал, что это — последний раз, когда я застегиваю замок на её шее. В следующий раз замок щелкнет на моей. И ключ будет не у меня.

Глава 4

Запах лилий в спальне был настолько густым, что казался осязаемым — белым саваном, оседающим на легкие. Руслан ушел рано, оставив на тумбочке огромный букет и бархатную коробочку, которую я даже не открыла. Цветы пахли похоронами. Нашей близости, моего доверия, той Евы, которая еще вчера верила, что ошейник на её шее — это оберег, а не инвентарный номер.

Я лежала неподвижно, глядя в потолок, где утренняя серость Петербурга рисовала причудливые тени. Тело ныло после его «страсти». Вчерашняя ночь была актом владения, методичным и тяжелым. Руслан брал меня так, словно пытался запечатать внутри моей памяти образ идеальной жены, вытеснить любые сомнения весом своего тела. Он считал, что если он заполнит меня собой до краев, во мне не останется места для вопросов.

Он ошибся. Места для вопросов не осталось — там выросла ледяная стена.

Я поднялась и подошла к зеркалу. Тонкая полоска кожи на шее выглядела как шрам. Я коснулась золотого замочка. Руслан называл это «принадлежностью», но сегодня я видела в этом только короткий поводок. Он «берет» меня. Он хранит мою «святость», как коллекционер хранит первопечатную книгу, не позволяя себе даже перелистывать страницы

без перчаток. А в это время где-то в другом конце города он срывал маски, впиваясь зубами в чью-то грязную, «не святую» реальность.

— Чистая Ева, — прошептала я, и вкус этих слов на языке напомнил пепел.

Я не пошла на кухню. Я пошла в мастерскую.

Здесь, среди запахов натурального воска, скипидара и старого дерева, я чувствовала себя настоящей. В этом пространстве я была не «сабмиссивной женой Волкова», а мастером. Здесь я решала, какой слой краски заслуживает жизни, а какой — полного уничтожения.

На верстаке стоял комод эпохи раннего классицизма. Его когда-то варварски покрыли несколькими слоями масляной краски, превратив изящную вещь в уродливый куб. Я взяла скребок. Мои движения были медленными, почти нежными, но за этой нежностью скрывалась беспощадная сталь.

Скрииип.

Тонкая стружка фальшивой белизны завилась кольцом и упала на пол. Под ней обнажилась серая патина — следы времени, которое пытались скрыть.

Моя жизнь была точно таким же комодом. Руслан наносил слой за слоем: «безопасность», «статус», «любовь», «преданность». И я верила, что эта белизна и есть моя суть. Я не замечала, что под ней я задыхаюсь, превращаясь в предмет интерьера, который удобно вписывается в его картину мира.

В памяти всплывали его «командировки». Поездка в

Москву на три дня в прошлом месяце. Совещание в порту на прошлых выходных. «Сложный объект» в Выборге. Раньше я видела в этом его мужскую силу, его бремя. Сейчас я видела в этом кракелюры. Трещины, сквозь которые проглядывал запах дешевого мускуса и блески шиммера.

Я отложила скребок и вытерла руки ветошью. Реставрация — это прежде всего аналитика. Чтобы понять, как восстановить структуру, нужно знать глубину повреждения.

Я вышла из мастерской и направилась в его святая святых — кабинет.

Руслан был параноиком в вопросах безопасности внешнего контура. Бронированные двери, камеры, сложнейшие пароли на рабочих серверах. Но внутри дома он расслаблялся. Он считал меня «цифровым мамонтом». Для него я была женщиной, которая до сих пор предпочитает бумажные книги и ручную полировку дерева. Он верил, что мой мозг не приспособлен для взлома его личного пространства.

В его массивном столе из мореного дуба был потайной ящик. Я знала о нем случайно — увидела однажды, как Руслан убирал туда документы. Он не прятал его от меня специально, он просто... не считал меня угрозой.

Я нажала на скрытую панель. Ящик выехал с едва слышным шелестом.

Среди старых флешек и наградных знаков лежал планшет. Его старый iPad Pro, который он когда-то отдал мне для эскизов, а потом, когда купил новую модель, забрал «почистить»

и бросил здесь.

Я нажала на кнопку включения. Экран вспыхнул, ослепив меня в полумраке кабинета.

Пароль.

Я ввела дату нашей свадьбы. Не подошло.

Я ввела дату его первого боевого выхода, которую он как-то упомянул в минуту редкого откровения.

Доступ разрешен.

Руслан был предсказуем в своем романтизме силы.

Планшет был синхронизирован с его основным облачным хранилищем. Он забыл отключить привязку. Для него это был просто кусок пластика и стекла, пылящийся в ящике. Для меня это был ключ от его преисподней.

Я открыла приложение «Локатор».

Карта Петербурга расцвела перед глазами паутиной маршрутов. Мой палец дрожал, когда я начала листать историю перемещений за последний месяц.

Пентхаус на Крестовском. Офис на Литейном. Фитнес-центр. И...

Красная точка, всплывающая с пугающей регулярностью.

Элитный жилой комплекс «Привилегия». Другой берег. Закрытая территория, мраморные холлы, полная анонимность.

Он был там вчера. С 18:30 до 23:00. Именно в то время, когда был куплен кляп.

Я зашла в папку «Фото». Руслан никогда не делал селфи, он презирал самолюбование. Но он был охотником. А охотники любят фиксировать трофеи.

В скрытом альбоме не было лиц. Только фрагменты.

Чьи-то пальцы с вульгарным неоновым маникюром, впившиеся в кожаную обивку его «Гелендвагена».

Край латексного белья — того самого, из чека — на фоне панорамного окна, выходящего на Малую Невку.

И видео. Короткое, всего семь секунд.

Я нажала «Play», затаив дыхание.

Звук был приглушенным, но я узнала его. Его тяжелое, властное дыхание. В кадре была спина женщины. Она стояла на четвереньках, её руки были стянуты за спиной теми самыми фиксаторами. На её шее был ошейник. Такой же, как у меня, но дешевле, грубее. Руслан зашел в кадр, его рука — та самая рука, которая сегодня утром ласкала мои волосы — грубо схватила её за подбородок.

— Молчи, — приказал он.

И она замолчала. А потом он вставил ей в рот черный шар.

Я закрыла рот ладонью, чтобы не закричать. Внутри меня что-то окончательно треснуло. Это не было «стекло», это был фундамент.

Всё это время он лечил свою потребность в доминировании об меня, но скрывал от меня истинную страсть, потому что я была «святой». Он превратил наш брак в стерильный операционный зал, где он был хирургом, а я — пациентом под наркозом. А там, в «Привилегии», он жил. Он дышал. Он был настоящим.

Моя «чистота» была для него не ценностью, а ограничением. Он любил не меня, он любил свою способность сохранять меня в законсервированном виде.

Я выключила планшет и аккуратно положила его обратно. Стерла отпечатки пальцев краем халата.

В зеркале кабинета я увидела женщину в черном шелке с золотым ошейником на шее. Она выглядела как видение, как дорогая галлюцинация. Но её глаза... в них больше не было преданности. В них была та самая патина, которую я только что соскребала с комода.

Я вернулась в мастерскую.

За окном начал накрапывать мелкий, колючий дождь, типичный для петербургского октября. Он бился в стекло, словно просился внутрь, в тепло. Но тепла здесь больше не

было.

Я снова взяла скребок. Теперь мои движения были быстрыми и жесткими. Я не просто реставрировала мебель. Я снимала слой за слоем свою старую жизнь.

Завтра я надену свое самое скромное, самое «святое» платье. Я надену маску идеальной, послушной куклы. И я поеду в «Привилегию».

Я не буду устраивать сцен. Я не буду бить посуду. Я буду смотреть.

Мне нужно увидеть ту, другую. Мне нужно увидеть его в тот момент, когда он уверен, что его никто не видит. Мне нужно зафиксировать каждую деталь его падения, чтобы потом, когда придет время, я могла восстановить свою жизнь на его руинах.

Я провела пальцем по обнаженному дереву комода. Оно было шершавым и честным.

— Реставрация будет долгой, Руслан, — прошептала я в пустоту мастерской. — И я обещаю: тебе не понравится то, что окажется под твоей ложью.

Я взяла банку с едким составом для удаления краски и медленно нанесла его на поверхность. Лак начал пузыриться, отслаиваться, как старая кожа.

Так же будет и с тобой.

Я коснулась ошейника и впервые в жизни улыбнулась. Не той кроткой улыбкой, которую он любил, а хищным оскалом

женщины, которая только что нашла слабое место в броне своего Хозяина.

Сегодня я буду ждать его с виски и покорностью. А завтра... завтра я стану его тенью.

И когда я закончу, Руслан Игоревич, ты сам захочешь, чтобы на тебе был кляп. Чтобы не слышать, как громко рушится твоя идеальная иллюзия.

Дождь за окном усилился, превращая Петербург в размытое пятно серой краски. Но в моей мастерской всё было предельно ясно.

Слой первый: Отрицание — удален.

Слой второй: Боль — принята.

Слой третий: Мечь — в процессе подготовки.

Я закрыла банку и вышла, заперев мастерскую. Вечер только начинался, и мне нужно было подготовить для своего мужа самый идеальный, самый «чистый» ужин в его жизни.

Последний «чистый» ужин.

♥# Нравится книга? Подпишитесь на мою страницу по этой ссылке: <https://litnet.com/shrt/LBxP> Просто нажмите кнопку "Отслеживать автора"вверху профиля! Плюсик к карме и +100 к моей мотивации работать еще больше ради Вас! ♥#

Глава 5

Отражение в зеркале гардеробной смотрело на меня с неммым укором. Идеальная укладка, фарфоровая кожа, шелковый халат — всё это было униформой, которую я носила семь лет. Униформой счастливой жены, чей мир ограничен золотой клеткой. Но сегодня я должна была сбросить эту кожу.

Я зашла в самую дальнюю секцию шкафа, туда, куда Руслан никогда не заглядывал. Там, в чехле из плотного полиэтилена, висело мое старое пальто. Серое, шерстяное, купленное на распродаже в Милане еще до знакомства с Волковым, когда я была просто талантливой студенткой-реставратором, считающей каждый евро.

Я достала его. Оно пахло пылью и прошлой жизнью — жизнью, где я была свободна, пусть и бедна.

Снимать ошейник я не стала. Не имела права по Протоколу, да и не хотела. Сейчас, под жесткой шерстью водолазки, он жег кожу, напоминая мне о цели моей вылазки. Я натянула черные джинсы, которые не носила года три, грубые ботинки на плоской подошве и то самое серое пальто, которое делало меня похожей на тысячи других петербурженок — уставших, спешащих, незаметных.

Волосы я убрала под простой вязаный шарф. Никакого макияжа. Никакого парфюма. Только запах моей решимо-

сти, который, к счастью, был неосязаем.

Мой телефон — последняя модель iPhone, подарок мужа на годовщину, нашпигованный программами слежения, — остался лежать на прикроватной тумбочке. Я подключила его к зарядке. Для системы безопасности «Волков Групп» я сейчас находилась дома, вероятно, читала книгу или спала.

Я вышла из квартиры, аккуратно закрыв дверь. Спускаться на лифте в подземный паркинг было нельзя — там камеры. Я вышла через парадную, кивнув консьержу. Он даже не сразу узнал меня в этом наряде, лишь скользнул равнодушным взглядом.

На улице моросил мелкий, противный дождь — вечный спутник петербургской осени. Я прошла два квартала пешком, чувствуя, как влага оседает на лице. Это было странное ощущение: я привыкла смотреть на этот город через тонированное стекло автомобиля или панорамное окно пентхауса. Теперь я была частью его серой массы.

Такси «Эконом» — раздолбанный желтый седан с запахом дешевого ароматизатора «Елочка» и табака — ждало меня у аптеки.

— Куда едем? — буркнул водитель, не поворачивая головы.

— Леонтьевский мыс, жилой комплекс «Привилегия», — ответила я, стараясь изменить голос. — Но не к главному въезду. Остановитесь на набережной, напротив.

Мы тронулись. Город мелькал за грязным стеклом: мок-

рый асфальт, серые фасады, люди под зонтами. Я смотрела на них и думала: знают ли их мужья, где они сейчас? Или они тоже живут в счастливом неведении, считая свои браки нерушимыми крепостями?

Руслан всегда говорил, что не любит Петроградку и острова из-за пробок. «Там не продохнуть, Ева. Логистика ужасная». Ложь. Теперь я понимала: он не любил этот район, потому что это была его охотничья территория. Он не хотел, чтобы я случайно оказалась там, где он сбрасывал маску добропорядочного мужа.

Мы подъехали через сорок минут. Я расплатилась наличными, которые взяла из своей личной записки в мастерской, и вышла под дождь.

ЖК «Привилегия» возвышался над водой как неприступный форт. Стекло, бетон, дорогие яхты, пришвартованные у частной набережной. Здесь пахло деньгами и тайной. Идеальное место для греха, который можно себе позволить.

Я нашла скамейку в сквере через дорогу. Отсюда отлично просматривался въезд на территорию и гостевая парковка. Я подняла воротник пальто, втянула голову в плечи и превратилась в камень.

Началось ожидание.

Первый час прошел в лихорадочном ознобе. Адреналин, который гнал меня вперед, начал отступать, уступая место холоду. Ветер с залива пробирал до костей. Я чувствовала, как немеют пальцы ног в ботинках, но не смела двигаться.

Я изучала фасад здания. Пыталась угадать, в каком из этих темных окон сейчас находится мой муж. Что он делает? Пьет кофе? Или, может быть, стоит на коленях перед другой, как он любил ставить меня? Нет, Руслан — Доминант. Он никогда не опустится. Значит, на коленях стоит она.

Мысль об этом полоснула по сердцу тупым ножом. Ревность? Нет. Это была не ревность. Это было чувство профессионала, который видит грубую подделку своей работы.

На второй час дождь усилился. Вода стекала по шарфу за шиворот. Я смотрела на часы на фасаде соседнего здания. 14:15. Время его «совещания с партнерами из Москвы» должно было закончиться через час. Если верить геолокации, которую я вытащила из планшета, он обычно уезжал отсюда около трех.

Мимо проходили люди. Молодые мамы с колясками, курьеры с огромными рюкзаками, мужчины в дорогих пальто. Никто не обращал внимания на серую фигуру на мокрой скамейке. Я стала невидимкой. Именно этого я и хотела.

В 14:50 ворота комплекса бесшумно отъехали в сторону. Мое сердце сбилось с ритма, ударившись о ребра.

Черный «Гелендваген» с номерами «001» медленно выкатился на набережную. Машина Руслана. Зверь, которого я знала так же хорошо, как и его владельца. Брутальный, квадратный, подавляющий.

Он не уехал сразу. Машина свернула к гостевой парковке перед рестораном, который находился в том же комплексе.

Руслан заглушил мотор и вышел.

Я затаила дыхание.

Даже отсюда, с расстояния пятидесяти метров, я видела, как он изменился.

Дома Руслан двигался сдержанно, с достоинством патриарха. Здесь же его движения были размашистыми, хищными. Он был без галстука, верхняя пуговица рубашки расстегнута, рукава закатаны. Он выглядел моложе. И опаснее.

Он обошел машину и открыл пассажирскую дверь.

Из подъезда, цокая каблуками по мокрой брусчатке, выпорхнула она.

Я прищурилась, жалея, что не взяла бинокль. Но даже так образ складывался в единую, кричащую картинку.

Яркая, кислотно-желтая куртка, слишком короткая для такой погоды. Узкие кожаные брюки, обтягивающие бедра так, что это граничило с порнографией. Волосы — выбеленный блонд, собранный в высокий хвост, который мотался из стороны в сторону, когда она крутила головой.

Кира.

Имя всплыло в голове само собой, хотя я его еще не знала. Оно подходило ей. Резкое, короткое, как удар хлыста.

Она смеялась. Громко, запрокидывая голову. Я видела, как она что-то говорит Руслану, активно жестикулируя руками с длинными ногтями.

А потом Руслан сделал то, от чего меня передернуло, словно от удара током.

Он притянул её к себе. Не бережно, как он обычно обнимал меня, поддерживая под локоть или касаясь талии, словно я была хрустальной. Нет. Он сгреб её одной рукой, похозяйски, грубо, опустив ладонь на её обтянутую кожей ягодицу.

Кира взвизгнула — наигранно, вульгарно — и повисла на нем, что-то шепча ему на ухо. Я видела профиль мужа. Он ухмылялся. Это была не улыбка — это был оскал сытого зверя, который только что загнал дичь и теперь играет с ней перед тем, как перегрызть глотку.

В этой сцене было столько животной, примитивной энергии, что меня затошнило. Мой аристократичный Волк, мой эстет, цитирующий Бродского и разбирающийся в сортах виски, сейчас выглядел как обычный самец, купивший себе час дешевого удовольствия.

Ветер с залива усилился, швырнув в лицо горсть ледяных брызг. Кира поежилась. Она отстранилась от Руслана, перестав смеяться, и потянулась к воротнику своей куртки, чтобы застегнуть молнию до самого подбородка.

В этот момент её шарф сбился.

Мир вокруг меня сузился до одной точки. Мое профессиональное зрение реставратора, привыкшее замечать микроскопические трещины на лаке, сработало как зум в камере.

На её шее блеснула полоска кожи.

Это был не чокер. Не украшение. Это был ошейник.

Но если мой был произведением искусства — тончайшая итальянская кожа, белое золото, индивидуальный заказ у ювелира, — то на шее Киры висел ширпотреб. Широкий, грубый ремень из красного козла, утыканный дешевыми металлическими клепками, которые, наверное, должны были символизировать «страсть» или «дерзость».

Я застыла. Время остановилось.

Ошейник.

Семь лет я верила, что ошейник на моей шее — это сакральный символ. Знак нашего особого союза. Знак того, что я — Единственная. Что я принадлежу ему душой и телом, а он несет за меня ответственность перед Богом и своей совестью. Я носила его с гордостью, как королева носит корону.

А оказалось, что Руслан просто маркирует территорию.

Для него не было разницы между мной и этой вульгарной девицей. Мы обе были просто скотом в его загоне. Разница была лишь в цене клейма. На элитную породу вешают золото, на дворняжку — железо. Но суть одна: поводок в его руке.

Я коснулась своей шеи через шерсть водолазки. Кожа под пальцами показалась мне ледяной. Ошейник, который еще утром казался мне частью меня, вдруг стал невыносимо тяжелым, удушающим куском мертвой плоти.

— Инвентарный номер два, — прошептала я побелевшими губами. — Просто еще одна вещь в коллекции.

Кира застегнула куртку, скрывая свой дешевый знак от-

личия. Руслан открыл перед ней дверь машины — жест, который раньше казался мне проявлением галантности, теперь выглядел как запихивание вещи в багаж. Она нырнула в салон. Руслан обошел капот, на ходу доставая телефон, и сел за руль.

Взревел мотор. Черный «Гелендваген» сорвался с места, хищно сверкнув фарами, и влился в поток машин, увозя моего мужа и его любовницу в их грязный, но такой «живой» мир.

Я осталась одна.

Дождь превратился в ливень. Вода текла по лицу, смешиваясь с той пустотой, что образовалась внутри меня. Странно, но слез не было. Видимо, у кукол нет слезных желез. А я ведь была куклой. Идеальной, дорогой, реставрированной куклой, которой играли семь лет, а потом наскучили и купили новую — попроще, зато с функцией вибрации и громким звуком.

Я медленно поднялась со скамейки. Ноги затекли, колени не гнулись. Я чувствовала себя столетней старухой.

Мимо проехал автобус, обдав меня волной грязи из-под колес. Серые капли упали на мое пальто, но мне было все равно. Грязь снаружи была ничем по сравнению с тем, что я только что увидела.

Я побрела вдоль набережной, не разбирая дороги. В голове крутилась одна мысль, навязчивая, как звук бормашины. Он обесценил всё. Не просто секс, не просто верность. Он

обесценил мою суть. Мое подчинение. Мою жертву.

Я отдала ему свою волю, потому что верила в его исключительность. А он оказался обычным потребителем.

— Такси, — прохрипела я, поднимая руку.

Желтая машина затормозила у тротуара, обдав меня светом фар. Я села на заднее сиденье, пахнущее пылью и чужими жизнями.

— Куда?

— Крестовский остров. Вязовая улица.

Водитель посмотрел на меня в зеркало заднего вида — на мое мокрое, дешевое пальто, на слипшиеся волосы. Вероятно, он подумал, что я еду туда работать уборщицей или няней. Ирония судьбы: я ехала в пентхаус, который по документам наполовину принадлежал мне, но чувствовала себя приживалкой, которую вот-вот вышвырнут на улицу.

Пока мы ехали сквозь пробки, я начала собирать себя заново. Кусок за куском, осколок за осколком.

Я не устрою скандал. Не сегодня.

Если я сейчас закричу, если брошу ему в лицо обвинения — он победит. Он скажет, что я истеричка, что я всё придумала, или, что еще хуже, снисходительно улыбнется и скажет, что «мужчине нужна разрядка». Он включит свой режим «Волка», задавит меня авторитетом, заставит чувствовать себя виноватой в том, что я за ним следила.

Нет.

Мечь — это блюдо, которое подают холодным. Ледяным.

Я смотрела на мелькающие огни города и чувствовала, как внутри меня, на месте выжженной любви, начинает прорастать что-то новое. Жесткое, колючее, ядовитое.

Ты хотел послушную жену, Руслан? Ты получишь её.

Ты увидишь такую покорность, от которой у тебя кровь застынет в жилах. Я буду идеальной. Я буду безупречной. Я буду отражать каждое твое желание, но внутри этого отражения будет пустота.

Я доведу тебя до безумия своей «святостью». А потом, когда ты расслабишься, когда ты решишь, что твоя власть абсолютна... я дерну за поводок.

Такси остановилось у нашего дома. Я расплатилась и вышла.

Поднявшись в квартиру, я первым делом стянула с себя мокрое пальто и бросила его прямо на пол в прихожей. Потом сняла ботинки. Джинсы. Водолазку.

Я осталась стоять посреди холла абсолютно голая, если не считать ошейника.

Я подошла к зеркалу.

Мое тело было прекрасным. Гладкая кожа, изгибы, которые он так любил. Но теперь я смотрела на это тело не как на храм любви, а как на оружие.

Я подняла руку и коснулась замка на шее.

Щелк.

Нет, я не сняла его. Я просто проверила, надежно ли он сидит.

— Ты думаешь, что это ты надел его на меня, — сказала я своему отражению, и мой голос прозвучал в пустой квартире пугающе спокойно. — Нет, Руслан. Теперь это я надела его на себя. Это мой камуфляж. Моя броня.

Я пошла в душ. Я терла кожу мочалкой до красноты, пытаясь смыть ощущение того, что я — «номер два». Я смывала с себя Еву-жертву.

Когда я вышла, завернувшись в пушистый халат, я уже знала, что буду делать.

Я пошла на кухню. Достала из холодильника стейки, которые он любил. Розмарин. Тимьян.

Я начну готовить ужин. Самый вкусный, самый изысканный ужин.

Я накрою на стол. Зажгу свечи.

Я надену то черное платье. Чулки.

Я встречу его на коленях.

Но когда он войдет в эту дверь, он увидит не жену. Он увидит зеркало, которое покажет ему то, чего он заслужива-

ет.

Я взяла нож, чтобы нарезать овощи. Сталь блеснула в свете ламп. Острая, холодная, беспощадная.

Такая же, как я теперь.

Звук открывающегося замка входной двери раздался ровно в восемь.

Он вернулся. С запахом другой женщины на коже и уверенностью в своей безнаказанности.

Я улыбнулась.

Добро пожаловать в ад, любимый.

Глава 6

Свечи в серебряных канделябрах плавились медленно, роняя тяжелые, прозрачные слезы на скатерть. Я смотрела на этот воск и думала о том, что он похож на время. Оно текло, застывало причудливыми формами, и его больше нельзя было вернуть в прежнее состояние.

Восемь ноль-ноль.

Щелчок замка входной двери прозвучал как выстрел стартового пистолета.

Я стояла на коленях в центре гостиной, как и планировала. На мне было то самое черное шелковое платье с открытой спиной, которое он требовал. Чулки сжимали бедра, ошейник охлаждал шею. Я была идеальной декорацией для его спектакля. Но если раньше мое сердце в этот момент замирало от трепета и любви, то теперь оно билось ровно, глухо, словно метроном, отсчитывающий секунды до взрыва.

Шаги. Тяжелые, уверенные. Шаги хозяина жизни, который только что вернулся с удачной охоты.

Руслан вошел в гостиную. Он уже снял пиджак и галстук, оставшись в белоснежной сорочке, расстегнутой на две верхние пуговицы. Закатанные рукава обнажали сильные предплечья, покрытые темными волосками. Он выглядел... пугающе свежим.

Никакой усталости после «сложных переговоров». Ника-

кой тяжести дня. Он сиял той особой, сытой энергией мужчины, который только что получил всё, что хотел.

Он остановился передо мной, и его взгляд — цепкий, оценивающий — прошелся по моей фигуре сверху вниз. Я знала этот взгляд. Так он смотрел на годовые отчеты, когда прибыль превышала ожидания.

— Здравствуй, Ева, — его голос был мягким, бархатным.

— Здравствуй, Руслан.

Он протянул руку и коснулся моей макушки. Жест покровителя. Патриарха. Я заставила себя не дернуться, хотя кожа под волосами мгновенно покрылась мурашками отвращения.

— Встань, — скомандовал он.

Я поднялась. Платье скользнуло по ногам, как вторая кожа. Я старалась дышать через раз, чтобы не выдать того шторма, что бушевал внутри. Я смотрела на уровень его подбородка — идеальная точка для покорной жены.

Руслан шагнул ко мне вплотную и обнял.

И вот тут меня накрыло.

Я ожидала запаха его парфюма. Ожидала, может быть, остаточных нот того дешевого мускуса, который я почувствовала на улице. Но Руслан был профессионалом.

От него пахло сандалом и стерильной чистотой.

Запах геля для душа из фитнес-клуба или той самой квартиры в «Привилегии». Он смыл с себя Киру. Он тщательно, методично стер с кожи её пот, её слюну, её запах. Он подго-

товился к встрече со своей «святыней».

Этот запах чистоты ударил по мне сильнее, чем вонь измены. Это был запах цинизма. Он считал меня настолько стерильной, что даже побоялся принести домой молекулу чужой грязи.

— Ты сегодня превзошла себя, — прошептал он мне в висок, касаясь губами уха. — Черный шелк... Я знал, что тебе пойдет покорность.

Я почувствовала, как его ладони скользнули по моей спине, оглаживая позвоночник. Те самые ладони, которые три часа назад сжимали задницу девицы в дешевом латексе.

Меня затошнило. Физически. Желчь подступила к горлу, и мне пришлось сглотнуть, чтобы не испортить сцену.

— Ужин готов, Руслан, — мой голос прозвучал глухо, но он принял это за волнение. — Стейки. Medium rare, как ты любишь.

Он отстранился, заглядывая мне в глаза. Я включила режим «зеркало»: пустой, преданный взгляд, легкая полуулыбка.

— Ты чудо, Ева. Я зверски голоден.

«Конечно, ты голоден, — подумала я, следуя за ним на кухню. — Секс на стороне всегда разжигает аппетит».

Мы сели за стол.

Свет был приглушен, мерцание свечей отражалось в бокале с водой — я не пила вина, мне нужна была трезвая го-

лова. Руслан же налил себе виски.

Я наблюдала за тем, как он ест.

Раньше я любила смотреть на это. Мне нравилась его манера: уверенная, немного грубая, мужская. То, как он разрезал мясо ножом, как отправлял куски в рот, как его челюсти двигались, пережевывая пищу. Я видела в этом силу.

Сегодня я видела хищника, дорывающего падаль.

Кровь от стейка растекалась по белой тарелке. Руслан ел с аппетитом, который казался мне оскорбительным.

— Как прошло совещание? — спросила я, разрезая свой лист салата на микроскопические части. — Ты говорил, партнеры из Москвы сложные.

Он даже не запнулся. Ложь лилась из него так же естественно, как виски в стакан.

— Утомительно, — он откинулся на спинку стула, промокнув губы салфеткой. — Ковалев снова пытался продать свои условия по логистике. Пришлось жестко поставить его на место. Мы просидели в переговорной четыре часа, даже окна не открывали. Духота страшная.

Я кивнула, изображая сочувствие.

— Ты устал, наверное.

— Есть немного. Но результат того стоил. Я выбил для нас лучшие условия. Всё ради семьи, Ева. Всё ради нас.

«Ради нас».

Я посмотрела на его шею. Воротник рубашки был расстегнут. И там, чуть выше ключицы, с левой стороны, я увидела

это.

Маленькое, едва заметное красное пятнышко.

Это был не засос — Руслан бы такого не допустил. Это была потертость. След от чего-то жесткого. Может быть, от молнии той самой желтой куртки Киры, когда она висла на нем? Или от дешевого ошейника с клепками, который царапнул его кожу в порыве страсти?

Он не заметил. Он смыл запах, но пропустил улику.

— У тебя здесь... — я подняла руку, но остановила её в воздухе.

— Что? — он напрягся, рука с вилкой замерла.

— Нитка, — солгала я, опуская руку. — Показалось.

Он расслабился. Доел мясо, выпил остатки виски и посмотрел на меня с тем самым выражением, которое я знала наизусть. Сытость сменялась новой жаждой.

— Спасибо, Ева. Это было великолепно. Но теперь...

Он встал, обошел стол и протянул мне руку.

— Пойдем в гостиную. Я хочу расслабиться. И я хочу почувствовать твою благодарность.

Слово «благодарность» ударило меня под дых.

Благодарность. За что? За ложь? За риск заразиться чем-нибудь от его уличной девки? За то, что он превратил меня в посмешище?

Я встала. Мои ноги были ватными. Тело, которое годами было настроено на подчинение этому мужчине, вдруг дало сбой. Мышцы окаменели. Каждый шаг давался с трудом,

словно я шла сквозь болото.

Мы перешли в зону отдыха. Руслан сел на кожаный диван, широко расставив ноги. Хозяин в своем замке.

— Иди ко мне, — он похлопал по месту между своих ног. Это была его любимая поза. Я должна была опуститься на колени, положить голову ему на бедра, а он бы гладил меня, перебирал волосы, может быть, расстегнул бы платье...

Я стояла посередине комнаты и не могла сдвинуться с места.

Перед глазами стояла картинка: парковка, дождь, желтая куртка и дешевый красный ошейник на шее блондинки. Я видела, как он кладет руку на её задницу. Я видела его ухмылку.

Если я сейчас подойду к нему... если я коснусь лицом того места, где недавно была она... я просто не выдержу. Я закричу. Или меня вырвет прямо на его дорогие брюки.

Руслан нахмурился. Тишина затягивалась.

— Ева? — в его голосе появились металлические нотки. — Ты не слышала команду?

Он подался вперед, упершись локтями в колени. Его лицо изменилось. Маска доброго покровителя сползла, обнажая раздражение владельца, у которого завис дорогой гаджет.

— Ко мне. Живо.

Он протянул руку и схватил меня за поводок. Точнее, за кольцо на ошейнике.

Резкий рывок.

Меня качнуло вперед. Кожа врезалась в горло, перекрывая кислород. Это должно было возбудить. Раньше это возбуждало — чувство его абсолютной власти.

Но сейчас мое тело сработало на инстинкте самосохранения.

Я отшатнулась. Резко. Грубо. Вырвала кольцо из его пальцев, сделав шаг назад.

Звук моего дыхания, рваного и испуганного, был единственным, что нарушало тишину.

Руслан замер. Его рука так и осталась висеть в воздухе. Он смотрел на меня так, словно у меня выросла вторая голова.

— Ты... что сделала? — его голос стал тихим, и от этой тишины у меня похолодело внутри.

Отказ. Прямое неподчинение. Бунт. В нашем Контракте не было пункта, разрешающего мне отстраняться, когда Хозяин тянет за поводок.

Я поняла, что сейчас всё может рухнуть. Если я не придумаю оправдание, он начнет копать. Он поймет, что я знаю. А я еще не готова. Моя ловушка еще не захлопнулась.

Я схватилась рукой за висок, зажмурившись.

— Руслан, нет... Прости. Я не могу.

— Что значит «не могу»? — он медленно поднялся с дивана. Теперь он нависал надо мной скалой.

— Голова... — прошептала я, стараясь придать голосу максимум страдания. — У меня раскалывается голова. Мигрень. Началось еще днем, я выпила две таблетки, но не по-

могает. Свет... звуки... меня тошнит от боли.

Ложь была жалкой. Банальной. «У меня болит голова» — это классическая отговорка фригидных жен из плохих анекдотов. В мире БДСМ, где мы жили, физическое недомогание не было поводом для отказа в служении, если только ты не при смерти. Боль можно было трансформировать, использовать.

Но я сделала ставку на его брезгливость. Руслан ненавидел больных людей. Слабость его раздражала.

Он смотрел на меня сверлящим взглядом. Я чувствовала, как он сканирует мое лицо, ища признаки лжи.

— Мигрень, — повторил он без интонации. — Ты весь вечер молчала. Улыбалась. А теперь, когда я захотел тебя, у тебя вдруг мигрень?

— Я терпела, — я открыла глаза, и мне даже не пришлось играть — в них действительно стояли слезы от напряжения. — Я хотела сделать тебе приятный вечер. Но когда ты дернул... в глазах потемнело. Руслан, пожалуйста. Мне нужно лечь.

Он стоял молча еще несколько секунд. Я видела, как в нем борется желание наказать меня за сбой и нежелание возиться с «бракованным» мясом.

Наконец, он брезгливо скривился.

— Терпела она... — процедил он. — Героиня. Мне не нужны твои жертвы, Ева. Мне нужна здоровая, послушная жена, а не развалина, которая шарахается от моих прикос-

новений.

Он отвернулся и подошел к бару, плеснув себе еще виски. Жест резкий, нервный. Его вечер был испорчен. Его это было уязвлено.

— Иди, — бросил он через плечо, не глядя на меня.

Я замерла.

— Куда?

— В гостевую, — он сделал глоток. — Я не собираюсь спать рядом с тобой, слушая, как ты стонешь и ворочаешься. Мне нужно выспаться перед завтрашним днем. Иди в гостевую. Дверь закрой плотно.

Изгнание.

Раньше это разбило бы мне сердце. Спать отдельно было для нас табу. Это означало высшую степень его недовольства.

Но сейчас я почувствовала, как по позвоночнику разливается горячая волна облегчения.

Он не тронет меня. Я буду одна. Я буду в безопасности от его лживых рук.

— Хорошо, Руслан. Прости. Спокойной ночи.

Я развернулась и пошла к выходу из гостиной. Я чувствовала его тяжелый взгляд на своей спине. Он был зол. Он не получил своей «разрядки» дома, а значит, завтра он снова поедет к ней. К Кире.

Отлично. Пусть едет. Чем больше ошибок он совершит, тем больше доказательств я соберу.

Я вошла в гостевую комнату. Здесь было прохладно и пахло нежилым помещением. Стерильное постельное белье, пустые полки.

Я закрыла дверь и повернула защелку. Щелчок замка прозвучал для меня как самая сладкая музыка.

Я прислонилась спиной к двери и сползла на пол, обхватив колени руками. Меня трясло. Адреналин отступал, уступая место дикой усталости.

Моя рука потянулась к шее.

Пальцы нащупали замок ошейника.

По нашему Протоколу, я не имела права снимать его сама. Никогда. Это мог делать только он. Снять ошейник самовольно — это как дезертировать с поля боя. Это разрыв Контракта.

Но Контракта больше не существовало. Он сжег его в тот момент, когда купил дешевку с клепками для своей подстилки.

Я нажала на крошечный рычажок. Золото щелкнуло.

Ошейник упал мне на колени.

Я сделала глубокий вдох. Воздух вошел в легкие свободно, без давления кожи на горло. Я провела ладонью по шее. Она была голой. Незащищенной. Свободной.

Я взяла ошейник в руки. В полумраке комнаты он тускло блестел. Символ моей любви. Символ моего рабства.

Я встала и положила его на прикроватную тумбочку. Рядом с безликой лампой.

— Сегодня я сплю свободной, — прошептала я в темноту.

Я посмотрела на свое отражение в окне. Там, за стеклом, сиял огнями ночной Петербург. Где-то там, в другом районе, спала Кира, возможно, не снимая своего красного ремешка, гордясь тем, что «принадлежит» Волку. Дура.

А здесь, в холодной гостевой спальне, стояла я. Ева Волкова. Реставратор.

Моя мигрень была ложью. Но моя война только начиналась.

Мне нужна была помощь. Я понимала, что в одиночку я могу не справиться с его давлением, с его юристами, с его охраной. Мне нужен был кто-то, кто знает этот мир изнанки. Кто знает, как ломать таких самоуверенных самцов, как Руслан.

Марго.

Имя всплыло в памяти, как спасательный круг. Марго, владелица закрытого салона «Velvet», где мы с Русланом когда-то начинали наши игры. Она всегда смотрела на Руслана с легкой иронией. Она знала о мужчинах всё.

Завтра.

Завтра, пока он будет зализывать свое уязвленное эго в офисе или в постели у Киры, я поеду к Марго.

Я легла в холодную постель, накрывшись одеялом с головой. Я не плакала. Слез больше не было. Была только холодная, расчетливая ярость.

Спи, Руслан. Наслаждайся своей властью.

Потому что очень скоро ты проснешься в мире, где правила устанавливаю я. И поверь мне, мой Протокол тебе не понравится.

Глава 7 (Руслан)

Одиночество в постели ощущалось как технический сбой. Нарушение геометрии пространства. Я проснулся ровно в шесть тридцать, по привычке протянул руку вправо, ожидая ощутить теплое, податливое тело Евы, но мои пальцы скользнули по холодной простыне.

Пусто.

Я лежал несколько секунд, глядя в потолок, где играли серые тени петербургского утра. В груди ворочалось глухое раздражение. В моем доме, в моей крепости, где каждый винтик был смазан и подчинен единому механизму, произошла поломка. И имя этой поломке было Ева.

Вчерашний вечер был фарсом. Её «мигрень», её дрожащие руки, этот нелепый отказ... Я был уверен, что за ночь она перебесится. Что утром я найду её у двери нашей спальни, виноватую, готовую вымалывать прощение за то, что посмела отвергнуть своего мужчину.

Я встал, чувствуя, как вчерашняя неудовлетворенность тянет мышцы. Я не получил разрядки. Мой зверь, которого я так тщательно кормил властью и контролем, остался голодным.

Я вышел в коридор. Тишина. Ни звука кофемашины, ни шороха её шагов.

Дверь в гостевую комнату была приоткрыта. Я толкнул её

ладонью, входя внутрь с чувством хозяина, который пришел проверить нерадивого питомца.

Ева не спала. Она сидела в кресле у окна, подтянув ноги к груди. На ней были простые джинсы и какая-то бесформенная серая кофта, которую я, кажется, видел на ней еще до свадьбы. Она смотрела на улицу, где ветер гнал по асфальту мокрые листья.

Но мой взгляд зацепился не за неё.

На прикроватной тумбочке, рядом с нелепой лампой из «Икеи», лежал он.

Ошейник.

Свернутый в аккуратное кольцо, поблескивающий золотым замком. словно мертвая змея, сбросившая кожу.

Я замер. Кровь прилила к вискам.

По нашему Протоколу, снимать ошейник без моего разрешения было строжайшим табу. Это было равносильно тому, что солдат бросает оружие и уходит с поста. Это было дезертирство.

— Ты сняла его, — мой голос прозвучал в тишине комнаты сухо и жестко, как треск ломающейся ветки.

Ева медленно повернула голову. Её лицо было бледным, под глазами залегли тени, но взгляд... В нем не было страха. В нем было какое-то стеклянное равнодушие, от которого мне стало не по себе. словно она смотрела не на меня, а

сквозь меня — на обои за моей спиной.

— Он давил мне на горло, Руслан, — тихо произнесла она.
— Мне было трудно дышать.

— Давил? — я усмехнулся, делая шаг к тумбочке. — Семь лет он был тебе впору, а сегодня вдруг начал давить?

Я взял полоску кожи в руки. Она была теплой. Я сжал её в кулаке, чувствуя знакомую фактуру. Мой первый порыв был предсказуем: подойти к ней, поднять за подбородок и застегнуть замок обратно. Жестко. До щелчка. Чтобы она вспомнила, кому принадлежит её дыхание.

Но я остановился.

Если я сделаю это сейчас, силой, я признаю, что её демарш имеет значение. Я покажу, что меня задело её поведение. А Хозяин не обижается на капризы сабмиссива. Хозяин наказывает.

И лучшим наказанием будет лишение статуса.

— Хорошо, — я небрежно бросил ошейник обратно на тумбочку. Он стукнулся о дерево с глухим звуком. — Если тебе трудно дышать, ходи без него. Ходи голой, Ева. Без моей защиты. Без знака, что ты — моя. Посмотрим, как быстро ты почувствуешь холод.

Она ничего не ответила. Просто отвернулась обратно к окну. Эта покорность, граничащая с апатией, начала меня бесить. Раньше, если я повышал голос, она вздрагивала. Сейчас она была похожа на манекен, из которого выпустили воздух.

— Кофе, — бросил я, разворачиваясь. — Через десять минут. И приведи себя в порядок. Ты выглядишь как беженка.

На кухне царила атмосфера морга. Стерильно, холодно и тихо.

Ева двигалась механически. Она поставила передо мной чашку эспresso, но не опустилась на колени. Она даже не посмотрела на меня. Просто поставила чашку и отошла к раковине, начиная мыть и без того чистый стакан.

Я пил кофе, чувствуя, как горечь оседает на языке.

— Как твоя «мигрень»? — спросил я, не скрывая сарказма. — Прошла, как только я ушел из комнаты?

— Легче, — ответила она, не оборачиваясь. — Но мне нужно время.

— Время на что? На то, чтобы вспомнить свои обязанности?

Она замерла. Вода из крана продолжала шуметь, заглушая тишину.

— На то, чтобы прийти в себя, Руслан. Я просто устала.

Я посмотрел на её спину, обтянутую дешевой серой шерстью. Устала. От чего? От жизни в золотой клетке? От того, что ей не нужно думать о деньгах, о безопасности, о завтрашнем дне? Она живет в мире, который я построил для неё своими руками, выгрызая место под солнцем зубами. А она «устала».

Женщины. Вечные гормональные качели.

— Я сегодня буду поздно, — сказал я, вставая. — У меня встреча с аудиторами.

Это была ложь, но ложь необходимая. Ева не повернулась, чтобы проводить меня взглядом.

— Хорошо.

Я вышел из кухни, чувствуя, как во мне нарастает желание что-нибудь разбить. Или кого-нибудь сломать. Моя идеальная кукла дала сбой, и это выводило из равновесия. Но я был уверен: это временно. Она посидит пару дней в своей депрессии, поймет, что без моего внимания она — пустое место, и приползет сама. С ошейником в зубах.

Я вышел из квартиры, громко хлопнув дверью. Пусть этот звук останется с ней в пустой квартире.

По дороге в офис я гнал машину агрессивнее обычного. Подрезал, резко перестраивался. Город стоял в пробках, и этот паралич движения раздражал меня еще больше.

Я достал планшет и подключился к камерам наблюдения в пентхаусе.

Картинка загрузилась. Гостиная пуста. Кухня пуста.

Я переключил камеру на коридор.

Ева вышла из спальни. Она была одета в то же серое пальто, в котором я видел ее вчера в гардеробной. Бесформен-

ное, дешёвое, убогое. Она замотала шею каким-то вязаным шарфом, скрывая отсутствие ошейника.

Я скривился. Она выглядела как серая мышь. Как средне-статистическая женщина из метро, у которой ипотека, двое детей и муж-алкоголик. Куда делась моя королева в шелках?

Ева вышла из квартиры.

Я барабанил пальцами по рулю, глядя, как она вызывает лифт. Куда она собралась? В таком виде?

Наверняка просто проветриться. Или в какой-нибудь книжный магазин, нюхать пыль старых фолиантов. Это был её способ бунта — демонстративный дауншифтинг. «Смотри, Руслан, мне не нужны твои деньги, я могу быть простой».

Ну-ну. Посмотрим, на сколько тебя хватит, девочка. Без моей кредитки ты не проживешь и недели.

Я закрыл приложение. Пусть гуляет. Поводок длинный, но он всё равно в моих руках.

Офис встретил меня привычной суетой. Секретарь, Леночка, тут же подскочила с кофе и папкой документов, но я прошел мимо, даже не кивнув. Мне нужно было другое.

Я зашел в свой кабинет, бросил портфель на стол и достал второй телефон. Тот самый, который не знал никто, кроме пары доверенных лиц и... неё.

Кира ответила после первого же гудка.

— Да, милый? — её голос был тягучим, наигранно-слад-

ким. — Я уже соскучилась. Ты вчера так быстро уехал...

— Заткнись и слушай, — оборвал я её. Мне не нужны были прелюдии. Мне нужна была функциональность.

На том конце провода повисла пауза. Кира знала этот тон. Тон, который обещал либо деньги, либо боль. И то, и другое она любила одинаково сильно.

— Я слушаю, Волк, — её голос изменился, стал ниже.

— Завтра. В семь вечера. В квартире.

— Завтра? — она хмыкнула. — Я думала, у тебя семейный ужин по средам. Твоя святоша не будет против?

Упоминание Евы из её рта вызвало у меня вспышку ярости. Как она смеет вообще говорить о ней?

— Не твое дело, — рявкнул я. — Твое дело — быть готовой. Я хочу полную сессию. Жесткую. Достань из сейфа всё. Фиксаторы, плети, тот новый кляп.

— Оу... — в трубке послышался смешок. — У кого-то плохой день? Хочешь выпустить пар?

— Я хочу, чтобы ты заткнулась и делала то, что я скажу. Никаких разговоров. Никакой нежности. Ты будешь просто куском мяса, Кира. Ты поняла?

— Я буду всем, чем ты захочешь, — промурлыкала она. — Я надену то красное белье?

— Мне плевать, что ты наденешь. Главное, чтобы это легко снималось. Или рвалось.

Я сбросил вызов и швырнул телефон на диван.

Внутри немного отпустило. Предвкушение завтрашнего

вечера слегка притупило злость на Еву. Завтра я вымещу всё, что накопилось. Я превращу Киру в кричащий комок нервов, я буду доминировать так жестко, как никогда раньше. Я докажу сам себе, что я всё еще контролирую ситуацию. Что я — Альфа.

А потом, успокоенный и разряженный, я вернусь домой. И, возможно, тогда я прощу Еву. Великодушно позволю ей снова надеть ошейник и занять место у моих ног.

День тянулся бесконечно. Совещания, графики, отчеты службы безопасности. Я работал механически, мои мысли то и дело возвращались к утренней сцене в спальне.

Пустая тумбочка. Свернутая кожа.

Почему это так задело меня? Ведь это просто вещь.

«Потому что она впервые сказала тебе "нет", Руслан. Впервые за семь лет».

Я отогнал этот голос. Это не бунт, это сбой. Временная аномалия.

В 15:30 на мой основной телефон пришло уведомление от банка.

«Списание: 480 RUB. Yandex.Taxi».

Я усмехнулся, глядя на экран. Четыреста восемьдесят рублей. Она даже не заказала «Бизнес». Она едет на «Эконе», как студентка.

Куда?

Я открыл детализацию, но банк не показывал конечный

адрес, только категорию услуг.

Тратит мои деньги, чтобы убежать от меня. Какая ирония. Пусть катается. Пусть смотрит в окно на серый город и понимает, что единственное яркое пятно в её жизни — это я. Чем хуже ей будет там, снаружи, тем быстрее она прибежит обратно в тепло пентхауса.

В дверь кабинета постучали.

— Войдите.

На пороге появился начальник моей службы безопасности, Виктор. Бывший фээсбэшник, человек с глазами мертвой рыбы и хваткой питбуля.

— Руслан Игоревич, — он положил на стол тонкую папку. — По вашему запросу. Объект «К».

Кира.

Я совсем забыл, что неделю назад, в приступе паранойи, поручил пробить её контакты. Мне показалось, что она слишком много спрашивает о моем бизнесе.

— Что там? — я лениво потянулся к папке, но открывать не стал. — Очередные долги по кредитам? Или новый ха-халь-альфонс?

— Не совсем, — Виктор замялся. — Там есть нюансы. Она в последнее время часто контактирует с людьми... скажем так, из круга ваших конкурентов. В частности, был зафиксирован звонок на номер, зарегистрированный на структуру Авдеева.

Авдеев. Мой главный конкурент на рынке охранных

услуг. Тот самый, у которого я увел крупный контракт с портом в прошлом месяце.

Я нахмурился. Кира и Авдеев? Бред. Кира — это силикон и инстинкты. Её мозг не способен на сложные многоходовки. Максимум, на что она способна — это развести мужика на новую шубу.

— Ты уверен? — я постучал пальцами по папке.

— Номер подтвержден. Содержание разговора неизвестно, но сам факт... Руслан Игоревич, я бы рекомендовал временно ограничить контакты с объектом. Или провести более глубокую проверку. Поставить прослушку.

Я посмотрел на папку, потом перевел взгляд на панорамное окно, за которым мок под дождем Петербург.

Завтра. У меня встреча с ней завтра.

Мне нужна была эта разрядка. Мне нужно было это мясо. Если я сейчас отменю встречу, я просто взорвусь. Я сорвусь на Еве, или на сотрудниках, или разнесу этот кабинет.

Авдеев мог просто пробивать меня через неё. Кира — дура, она могла сболтнуть лишнее, даже не понимая этого. Но это не значит, что она агент. Она слишком примитивна для шпионажа.

— Оставь, — я отодвинул папку на край стола. — Я разберусь.

— Руслан Игоревич, риск утечки...

— Я сказал — разберусь! — рявкнул я. — Поставь её телефон на запись. Но встречу я отменять не буду. Мне нуж-

но... прояснить ситуацию лично.

Виктор кивнул, хотя в его глазах я прочитал неодобрение.

— Как скажете.

Он вышел.

Я остался один. Взгляд снова упал на банковское уведомление на экране телефона. Ева каталась по городу. Кира, возможно, сливала инфу конкурентам.

Вокруг меня сжималось кольцо мелких неприятностей. Но я чувствовал себя уверенно. Я — Волк. Я разгрызу любую проблему.

Сначала я трахну Киру. Выбью из неё всю дурь, а заодно и правду про Авдеева. Пара часов в фиксаторах — и она расскажет мне даже то, чего не знает.

А потом я вернусь домой и займусь Евой.

Я откинулся в кресле, глядя на город, лежащий у моих ног. Я был уверен, что контролирую игру. Я был уверен, что держу все нити в своих руках.

Глава 8

Такси «Эконом» класса пахло дешевым табаком и безысходностью. Водитель, хмурый мужчина с трехдневной щетиной, всю дорогу слушал какое-то заунывное радио, где обсуждали пробки и цены на бензин. Я смотрела в окно, на размытые дождем огни Петербурга, и думала о том, что этот запах мне сейчас ближе, чем стерильный аромат нашего пентхауса. В нем была правда. Грубая, неприятная, но правда.

Мы свернули с Каменноостровского проспекта в лабиринт узких улочек Петроградской стороны. Здесь, среди старых доходных домов с лепниной и дворов-колодцев, прятался «Velvet».

Это место не имело вывески. Лишь тяжелая дубовая дверь с кованой ручкой и неприметная камера наблюдения, чей красный глаз смотрел прямо в душу. Восемь лет назад я стояла здесь же, дрожа от страха и предвкушения. Тогда я пришла сюда, чтобы научиться быть идеальной для Руслана. Я хотела понять его мир, его фетиши, его потребность во власти. Я хотела стать глиной в его руках.

Сегодня я вернулась, чтобы научиться быть камнем, о который он сломает зубы.

Я расплатилась и вышла под дождь. Мое серое пальто промокло на плечах, но мне было все равно. Я подошла к двери и нажала кнопку звонка.

Щелчок интеркома.

— Закрытый клуб. Вход только по картам, — раздался механический голос охранника.

— Мне нужна Марго, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Скажите, что пришла Ева. Ева Волкова.

Тишина. Камера жужжала, фокусируясь на моем лице, лишенном макияжа, на моем дешевом шарфе. Я понимала, как выгляжу. Не как жена олигарха и VIP-клиентка, а как городская сумасшедшая.

— Ждите.

Прошла минута. Две. Я уже начала думать, что меня не пустят, что этот мир тоже закрыл передо мной двери, как вдруг замок щелкнул. Тяжелая створка подалась внутрь.

На пороге стоял шкафоподобный мужчина в черном костюме. Он смерил меня взглядом, полным профессионального подозрения, но посторонился.

— Маргарита Львовна ждет вас в «Красном кабинете».

Я переступила порог.

Запах ударил в ноздри мгновенно. Это был особый аромат «Velvet»: смесь дорогой кожи, сандаловых палочек, воска и едва уловимого, острого запаха адреналина. Раньше этот запах вызывал у меня сладкое томление внизу живота. Я ассоциировала его с безопасностью, с игрой, где правила защищают тебя надежнее брони.

Теперь он пах как операционная перед ампутацией.

Я прошла по коридору, устланному мягким ковром, заглушающим шаги. На стенах висели черно-белые фотографии — эстетика связывания, шибари, фрагменты тел. Никакой пошлости, только искусство линий и узлов.

«Красный кабинет» был святая святых Марго.

Я постучала и, не дожидаясь ответа, вошла.

Марго сидела в глубоком винтажном кресле, держа в руке бокал с янтарной жидкостью. Ей было за пятьдесят, но возраст для таких женщин — это не цифра, а звание. Статная, с идеально прямой спиной, короткой стрижкой пепельного цвета и взглядом, который мог, кажется, резать стекло. На ней был строгий брючный костюм из темно-бордового бархата.

Она не встала. Лишь повела рукой, приглашая войти.

— Ева, — ее голос был низким, глубоким, с легкой хрипотцой курильщицы. — Давно не виделись. Я уж думала, твой Волк окончательно запер тебя в башне.

Я закрыла за собой дверь, отрезая нас от остального мира.

— Здравствуй, Марго.

Она внимательно посмотрела на меня. Ее взгляд скользнул по мокрому пальто, по дешевым ботинкам и остановился на шее, замотанной шарфом.

— Выглядишь... аутентично, — усмехнулась она, но в глазах не было насмешки, только сканирование. — Садись. Коньяк?

— Да. Двойной.

Бровь Марго взлетела вверх. Ева Волкова никогда не пила крепкий алкоголь. Ева Волкова пила воду с лимоном или, в крайнем случае, сухое белое.

— Значит, дело дрянь, — констатировала она, поднимаясь, чтобы налить мне выпить.

Я села в кресло напротив. Стянула с себя мокрый шарф и бросила его на подлокотник. Потом расстегнула пальто.

Марго поставила передо мной бокал и села обратно. Она посмотрела на мою обнаженную шею. На то место, где семь лет красовался ошейник, который мы выбирали вместе с ней.

Теперь там была пустота.

— Где он? — спросила она тихо.

— На тумбочке в гостевой спальне, — я сделала большой глоток. Коньяк обжег горло, но этот огонь был живительным. — Я сняла его.

— Сама?

— Сама.

Марго откинулась на спинку кресла, крутя бокал в пальцах.

— Руслан знает?

— Знает. Он решил, что это мой каприз. Женская истерика.

— А это не каприз?

Я посмотрела ей прямо в глаза.

— У него есть другая, Марго.

В комнате повисла тишина. Она была плотной, вязкой. Марго не ахнула, не всплеснула руками. В ее профессии человеческие пороки были ежедневной рутинной. Но я видела, как ее зрачки сузились.

— Продолжай.

И я рассказала всё.

Я говорила сухо, четко, словно зачитывала отчет о состоянии поврежденной мебели. Чек из «Dark Desires». Латекс. Кляп. Элитный ЖК «Привилегия». Желтая куртка. Дешевый смех.

И ошейник.

— Красный кожан, — произнесла я, чувствуя, как внутри снова поднимается волна тошноты. — С клепками. Как на собаке из подворотни. И он трогал ее так... словно покупал кусок мяса на рынке. А потом приехал домой, пахнущий мылом, и потребовал «благодарности».

Марго слушала, не перебивая. Ее лицо оставалось непронаходимым, но пальцы, сжимающие ножку бокала, побелели.

Когда я закончила, она допила свой коньяк одним глотком и с грохотом поставила бокал на столик.

— Идиот, — выплюнула она.

Это было не то слово, которое я ожидала. «Сволочь», «предатель» — да. Но «идиот»?

— Он нарушил Этнику, Ева, — Марго встала и прошлась по кабинету. Ее бархатный костюм ловил отблески ламп. —

Он нарушил базовый принцип. Безопасность. Разумность. Добровольность. Мы учим Верхних, что власть — это ответственность. Что сабмиссив отдает свою волю в обмен на защиту. А он? Он создал угрозу. Физическую. Моральную.

Она резко повернулась ко мне.

— Дело даже не в измене, дорогая. Мужики изменяют, это, увы, банальность. Дело в том, что он смешал Протоколы. Он приравнял тебя — ту, которой он клялся в защите, — к одноразовой игрушке. Он обесценил твой ошейник. Твой статус. Он — бракованный Доминант, Ева. Просто садист с деньгами, который заигрался в бога.

Ее слова падали в мою душу как камни, укрепляя фундамент моей ненависти. Марго не жалела меня. Она давала мне право на ярость.

— Я хочу уничтожить его, Марго, — сказала я тихо. — Я не хочу просто развода и раздела имущества. Я хочу, чтобы он захлебнулся. Я хочу, чтобы его идеальный мир рухнул ему на голову.

— Мечь? — она прищурилась. — Это опасное блюдо. Можно отравиться самой.

— Я уже отравлена. Мне нечего терять.

Марго подошла ко мне и оперлась руками о подлокотники моего кресла, нависая сверху.

— Ты хочешь истерики? Хочешь ворваться туда, разбить ему лицо, покричать?

— Нет. Я хочу, чтобы он увидел меня. Там. В тот самый

момент, когда он будет чувствовать себя всемогущим.

Марго медленно улыбнулась. Это была хищная улыбка сфинкса.

— Поймать зверя на живца? В момент пика? Это жестоко, Ева. Это травма, которую он не залечит никогда. Увидеть свою «святую» жену в его грязном притоне... У него случится когнитивный диссонанс. Импотенция на почве шока гарантирована.

— Мне плевать на его потенцию. Мне нужно, чтобы он понял: он не Хозяин. Он — никто.

Марго выпрямилась и подошла к огромному сейфу, замаскированному под книжный шкаф.

— Если ты решила идти на войну, тебе нужен тыл. Руслан заблокирует твои карты в ту же секунду, как поймет, что ты не вернешься. Он перекроет кислород. Ты к этому готова?

— У меня есть немного наличных. И мои руки. Я реставратор, я не пропаду.

— Не пропадешь, — согласилась она. — Но ночевать на вокзале тебе не придется.

Она набрала код на сейфе. Дверца открылась с мягким шелестом. Марго достала оттуда связку ключей на простом металлическом кольце. Никаких брелоков, никаких опознавательных знаков.

Она вложила их в мою ладонь. Металл был холодным и тяжелым.

— Это студия на Васильевском, — сказала она. — Ман-

сарда. О ней никто не знает, она оформлена на подставное лицо. Мой личный бункер на случай, если... впрочем, неважно. Там есть всё необходимое. Инструменты я тебе не обещаю, но крыша над головой и тишина — гарантированы.

Я сжала ключи. Это был первый предмет за семь лет, который Руслан не контролировал. Мой первый глоток свободы.

— Спасибо, Марго. Я... я верну деньги.

— Вернешь, — кивнула она. — Когда разденешь его до трусов в суде. А сейчас слушай меня внимательно.

Она села напротив, и ее тон стал деловым, жестким.

— Если ты хочешь проникнуть в квартиру, тебе нужны ключи. Взламывать замки в таких ЖК — самоубийство, там охрана лучше, чем в Кремле. У него есть дубликат?

— Должен быть, — я задумалась, перебирая в памяти детали. — Он педант. У него всегда есть запасной комплект. Но он не носит его с собой.

— Ищи в вещах, которые он берет с собой в поездки. Или в спортзал. Туда, где он бывает перед визитами к ней.

Спортзал.

Меня осенило.

— Сумка, — выдохнула я. — Его спортивная сумка. Он ходит в зал три раза в неделю. Но вчера... вчера он вернулся с ней, хотя в зале не был. Он возит её в багажнике.

— Бинго, — усмехнулась Марго. — Скорее всего, ключи там. Во внутреннем кармане или на дне. Мужики предска-

зуемы. Они прячут секреты там, где, как им кажется, «бабы не лазят». В грязном белье и спортивном инвентаре.

— Я достану их.

— Будь осторожна, Ева. Руслан — безопасник. Если он тебя поймает...

— Он не поймает. Он уверен, что я сижу дома и плачу в подушку. Он считает меня сломленной.

— Недооценка противника — главная ошибка любого стратега, — Марго встала, давая понять, что аудиенция окончена. — Иди. И, Ева...

Я остановилась у двери, наматывая шарф.

— Да?

— Когда ты войдешь туда... Не опускай глаз. Смотри на него. Пусть он запомнит этот взгляд до конца своих дней. Ты больше не Нижняя. Ты — Немезида.

Я вышла из «Velvet» другим человеком. Дождь все еще шел, но теперь он казался мне не унылым, а очищающим. Я чувствовала тяжесть ключей в кармане пальто. Это был вес моей новой жизни.

Обратная дорога заняла сорок минут. Я вышла из такси за квартал до дома, чтобы не светиться лишний раз, и прошла остаток пути пешком.

В холле нашего дома консьерж снова кивнул мне, но на этот раз в его взгляде читалось легкое удивление. Жена Волкова, мокрая, в старом пальто, пришла пешком? Но он про-

молчал. Вышколенный персонал.

Я поднялась в пентхаус.

В квартире было тихо. Руслан еще не вернулся.

Я быстро прошла в свою мастерскую. Мне нужно было спрятать ключи Марго. Оставлять их в кармане или в сумочке было нельзя — если Руслан решит проверить мои вещи (а после моего «бунта» он мог это сделать), он их найдет.

Я подошла к старым напольным часам, которые стояли в углу мастерской. Корпус 19 века, сложный механизм, который я чистила уже полгода.

Я открыла заднюю панель. Там, среди шестеренок и маятника, было небольшое пространство. Я прикрепила связку ключей скотчем к внутренней стенке корпуса, там, где ее не было видно даже с фонариком.

— Лежите тихо, — шепнула я. — Вы мне понадобятся завтра ночью.

Я переоделась. Спрятала мокрое пальто обратно в чехол в глубине гардеробной. Надела домашнее платье — скромное, закрытое, но дорогое. Я должна была снова стать декорацией.

Когда я вышла в гостиную, я увидела её.

Спортивная сумка Руслана.

Она стояла в углу прихожей, черная, кожаная, с логотипом дорогого бренда. Он бросил её там вчера и, видимо, забыл убрать или отнести в стирку. Обычно этим занималась домработница, но она приходила по четвергам. Сегодня бы-

ла среда.

Сумка стояла там, как сундук с сокровищами, охраняемый драконом.

Я подошла ближе. Сердце забилося быстрее.

Завтра у него «сессия» с Кирой. Он поедет туда прямо с работы. Значит, ключи должны быть в сумке уже сейчас, или он переложит их утром. Но если Марго права, и это его «тревожный чемоданчик» для походов налево...

Я протянула руку, но в этот момент услышала звук открывающегося замка.

Руслан.

Я отдернула руку, словно обожглась, и отступила на шаг назад, разворачиваясь к зеркалу, будто поправляла прическу.

Дверь распахнулась.

Руслан вошел, внося с собой запах улицы и холодного официоза. Он выглядел уставшим, но собранным. Его взгляд сразу метнулся ко мне. Он сканировал пространство: где я, что делаю, как выгляжу.

— Ты дома, — констатировал он, снимая пальто.

— Я никуда и не уходила, — солгала я, глядя ему в глаза через отражение в зеркале. — Весь день читала.

Он хмыкнул, явно не поверив, но проверять не стал. Его взгляд упал на спортивную сумку.

— Ты не убрала? — в голосе прозвучало раздражение.

— Я думала, тебе нужно что-то достать.

Он подошел, поднял сумку. Я затаила дыхание. Он перехватил ручки, и я услышала характерный металлический звяк внутри. Тихий, едва слышный звук удара ключей о что-то твердое.

Бинго.

— Я сам разберу, — буркнул он. — Ужин готов?

— Да. Рыба.

— Хорошо. Я в душ.

Он прошел мимо меня, унося сумку в спальню. Я смотрела ему в спину.

Завтра утром.

У него есть привычка: он встает, идет в душ, а сумку собирает уже перед выходом. Или проверяет содержимое. Пока он будет стоять под водой, смывая с себя сон, у меня будет ровно пять минут.

Пять минут, чтобы украсть доступ к его аду.

Я пошла на кухню накрывать на стол. Мои руки не дрожали. Наоборот, я чувствовала странное, ледяное спокойствие снайпера, который наконец-то поймал цель в перекрестье прицела.

— Ешь, Руслан, — мысленно сказала я, расставляя тарелки. — Набирайся сил. Завтра они тебе понадобятся, чтобы пережить то, что я для тебя приготовила.

Сегодня я буду тихой. Я буду покорной. Я даже позволю ему коснуться меня, если он захочет, хотя от одной мысли об этом меня мутило. Я усыплю его бдительность.

Потому что завтрашний день станет последним днем его империи. И я буду тем, кто подожжет фитиль.

Глава 9

Шум воды за стеной ванной комнаты звучал для меня как обратный отсчет. Секундная стрелка в моей голове отбивала ритм: тик-так, Ева, тик-так.

Руслан был предсказуем в своих утренних ритуалах. Ровно семь минут под горячим душем, две минуты на бритье, три — на то, чтобы вытереться и нанести лосьон. У меня было узкое окно возможностей, и если бы я замешкалась хоть на мгновение, мой план рухнул бы, едва начавшись.

Я стояла в прихожей перед его спортивной сумкой. Черная кожа «Bottega Veneta», мягкая, дорогая, хранящая запах спортзала и... его секретов. Вчера он небрежно бросил её здесь, уверенный, что его «святая» жена никогда не посмеет сунуть нос в личные вещи Хозяина.

Мои пальцы легли на холодную «собачку» молнии.

Вжик.

Звук показался мне оглушительным, словно я разорвала ткань мироздания. Я замерла, прислушиваясь. Шум воды не прекратился. Он все еще там, смывает с себя сон, готовясь к новому дню, в котором мне отведена роль мебели, а Кире — роль мяса.

Я распахнула сумку. Сверху лежало сменное белье, чи-

стое полотенце, бутылка с изотоником. Я действовала быстро, почти грубо, отшвыривая вещи в сторону. Где-то здесь, во внутреннем кармане, должен быть дубликат. Марго сказала, что мужчины прячут тайны там, где, по их мнению, женщинам будет скучно или противно искать. В грязных носках или спортивном инвентаре.

Я просунула руку во внутренний карман на молнии. Пальцы наткнулись на что-то твердое и холодное.

Не брелок. Просто связка.

Я вытащила их на свет. Два ключа. Один — длинный, сувальдный, явно от сейфового замка. Второй — магнитная «таблетка» для домофона элитного комплекса.

Они лежали в моей ладони, тяжелые и чужие. Ключи от преисподней.

В этот момент шум воды стих.

Сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в желудок. В квартире воцарилась звенящая тишина. Я представила, как Руслан стоит сейчас в душевой кабине, тянется к крану, прислушивается... Если он выйдет сейчас, если просто откроет дверь, чтобы взять полотенце — мне конец. Я стою над его раскрытой сумкой, как пойманная за руку воровка.

— Ева? — донеслось из-за двери. Глухо, но отчетливо.

Меня сковал паралич. Горло перехватило спазмом. Он почувствовал? Услышал шорох молнии?

— Ева, где мой черный свитшот? — голос был спокой-

ным, будничным. Он просто спрашивал про одежду.

Я выдохнула, чувствуя, как по спине течет холодный пот.

— В стирке, Руслан! — крикнула я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я положу тебе серый!

Пауза. Секунда, показавшаяся вечностью.

— Хорошо.

Снова зашумела вода. Он включил её, чтобы смыть пену.

Я сунула ключи в глубокий карман своего домашнего халата. Быстро, трясущимися руками, я вернула вещи в сумке на свои места. Полотенце — сверху, бутылка — сбоку. За-стегнула молнию.

Когда дверь ванной открылась и Руслан вышел, окутанный клубами пара, я уже стояла у кофемашины, спиной к нему.

— Доброе утро, — он подошел сзади, обнял меня за талию. Его кожа была горячей и влажной, от него пахло сандалом и ментолом.

Я заставила себя не дернуться. Ключи в кармане жгли бед-ро, словно раскаленные угли.

— Доброе утро, — отозвалась я, нажимая кнопку пуска. Кофемашина зажужжала, заглушая бешеный стук моего сердца.

Руслан поцеловал меня в шею — туда, где раньше был ошейник. Теперь там была голая кожа, и я почувствовала, как его губы скривились в едва заметной усмешке. Он все еще наказывал меня своим пренебрежением, даже не подо-

зревая, что я только что ukrала у него право на безопасность.

— Я сегодня буду поздно, — сказал он, беря чашку. — Не жди.

— Я знаю, — я повернулась и посмотрела ему прямо в глаза. Мой взгляд был ясным, преданным, пустым. Взгляд идеальной куклы. — Хорошего дня, Руслан.

Он допил кофе одним глотком, взял сумку — ту самую сумку! — и вышел.

Как только дверь за ним захлопнулась, я сползла по кухонному фасаду на пол. Меня трясло. Я достала ключи и сжала их в кулаке до боли, до белых костяшек.

Первый этап пройден. Теперь пути назад нет.

ЖК «Привилегия» на Леонтьевском мысу встретил меня неприветливым серым небом и ветром с залива, который пытался сорвать капюшон моего пальто. Я снова была в образе «невидимки» — серое, невзрачное, дешевое. Но теперь в моем кармане лежал пропуск в чужую жизнь.

Я подошла к калитке для пешеходов. Приложила магнитный ключ к считывателю.

Пик.

Зеленый огонек.

Ворота открылись с мягким жужжанием. Никаких вопросов, никакой охраны. Умный дом пустил меня внутрь, при-

знав за «свою».

Я прошла по ухоженной территории, мимо детской площадки, где гуляли няни с детьми, мимо набережной с пришвартованными яхтами. Здесь пахло большими деньгами и ледяным спокойствием. Люди, живущие здесь, верили, что стены и заборы защитят их от грязи внешнего мира. Руслан верил в то же самое.

Парадная была похожа на лобби пятизвездочного отеля. Мрамор, зеркала, консьерж, который даже не поднял головы, увлеченный чем-то в мониторе. Я уверенно прошла к лифтам.

Этаж седьмой. Квартира 74.

Я стояла перед тяжелой дверью из темного дерева. На ней не было номера, только глазок. Мои руки больше не дрожали. Внутри наступило то странное спокойствие, которое бывает у хирурга перед тем, как сделать первый разрез. Или у патологоанатома.

Я вставила длинный ключ в замок. Два оборота. Мягкий, маслянистый щелчок механизма.

Дверь подалась внутрь.

Я переступила порог и оказалась в Зазеркалье.

Я ожидала увидеть квартиру. Может быть, холостяцкую берлогу с разбросанными носками или уютное гнездышко для любовных утех с плюшевыми пледами. Но то, что я увидела, заставило меня остановиться и прикрыть рот ладонью.

Это была не квартира. Это была операционная.

Огромное пространство студии было залито холодным светом из панорамных окон, выходящих на воду. Стены — серый бетон и черное стекло. Пол — наливной, глянцевый, в котором отражалось свинцовое небо.

Здесь не было ничего личного. Ни одной фотографии, ни книги, ни случайной чашки на столе. Только функционал.

В центре комнаты, словно алтарь, стояла огромная кровать с черным кожаным изголовьем. А рядом с ней...

Я медленно подошла ближе.

Андреевский крест. Массивный, деревянный, обитый кожей, с блестящими кольцами для фиксации.

Скамья для порки.

Подвесы, свисающие с потолка, аккуратно убранные в сторону.

Это был профессионально оборудованный BDSM-дан-жен, замаскированный под элитное жилье.

Я провела пальцем по кожаной обивке кресла. Она была холодной.

Руслан всегда говорил мне: «Наш дом — это храм чистоты. Я не хочу тащить сюда грязь».

Теперь я понимала, что он имел в виду. Он построил от-

дельный храм для грязи. Здесь он не был моим мужем, бизнесменом, защитником. Здесь он был просто функцией. Машиной для извлечения боли и стонов.

Я прошла вглубь квартиры. Воздух здесь был спертый, несмотря на дорогую систему вентиляции. Он пах кожей, латексом и тем самым дешевым ароматизатором «ваниль», который так любила Кира. Этот запах въелся в стены, впитался в обивку мебели. Запах чужой, вульгарной похоти.

Мне нужно было спрятаться.

Время близилось к пяти. У меня было два часа до их прихода, если Руслан не решит приехать раньше.

Я открыла дверь гардеробной.

Это была не та просторная комната, что у нас дома, а скорее глубокая ниша с дверями-жалюзи. Внутри висело несколько комплектов сменной одежды для него — джинсы, футболки, пара рубашек. На полках лежали стопки полотенец.

И инвентарь.

Плети, флоеры, стеки, наручники. Всё разложено с педантичной аккуратностью маньяка. Я увидела тот самый кляп-шарик из чека. Он лежал в прозрачном кейсе, уже распечатанный. Рядом — банка лубриканта.

Меня замутило.

Я села на пол в самом дальнем углу гардеробной, за вешалкой с его халатом. Двери-жалюзи пропускали полосы

света, позволяя мне видеть часть гостиной и входную дверь, но надёжно скрывали меня в тени.

Началось ожидание.

Минуты тянулись, как резина. Я сидела, обхватив колени руками, и чувствовала, как во мне умирает Ева-жена. Ева-реставратор тоже отступила. Сейчас здесь была только Ева-судья.

Я думала о том, что он скажет, когда войдет. Как он посмотрит на неё. Будет ли он целовать её? Говорить ей те же слова, что и мне? Или для неё у него другой сценарий?

В 18:45 я услышала гул лифта.

Он приехал раньше.

Звук ключа в замке прозвучал как выстрел. Я вжалась в угол, стараясь даже не дышать. Сердце билось так громко, что мне казалось, они услышат его в коридоре.

Дверь открылась.

— Заходи, сука, — раздался голос Руслана.

Я вздрогнула. Это был голос моего мужа, но интонация... В ней не было той властной, спокойной уверенности, которую я знала. В ней была агрессия. Злая, рычащая, животная агрессия.

Цокот каблучков по наливному полу.

— Ой, Волк, ну чего ты такой грубый сегодня? — голос Киры был капризным, тягучим. — У тебя недотрах? Жена не дала?

— Закрой рот, — рявкнул он. — Раздевайся. Быстро.

Они вошли в зону видимости.

Я смотрела сквозь щели жалюзи, как замороженная.

Руслан швырнул свою спортивную сумку на пол. Он был взвинчен. Его движения были рваными, резкими. Он стянул с себя пиджак и бросил его на кресло — не повесил аккуратно, как дома, а именно бросил. Он расстегивал рубашку, и пуговицы чуть не отлетали в стороны.

Кира стояла посреди комнаты. На ней была та же желтая куртка. Она медленно расстегнула молнию. Под курткой на ней был латексный боди, который врезался в тело, выставляя напоказ всё, что можно и нельзя.

— Нравится? — она покрутилась перед ним, выставив бедро.

— Я сказал — раздевайся, — Руслан подошел к ней. — Снимай всё. Я хочу видеть мясо, а не резину.

Он схватил её за волосы и запрокинул голову назад.

— Ты сегодня будешь отрабатывать каждый рубль, который я на тебя трачу, поняла?

— Да, Руслан... — проскулила она, и в этом звуке было больше наигранности, чем страха. Ей нравилось. Ей нравилось быть вещью.

Я закрыла глаза на секунду.

Семь лет он учил меня, что БДСМ — это про доверие. Про обмен энергией. Про сакральную связь Верхнего и Нижнего.

А здесь... Здесь не было доверия. Здесь было насилие. Он использовал её как боксерскую грушу, как контейнер для слива своей злости. Злости на меня? На работу? На самого себя?

— На колени! — скомандовал он.

Кира опустилась на пол.

— Ползи к креслу.

Я открыла глаза.

Руслан стоял надо мной — то есть, в моем поле зрения, спиной ко мне, — и расстегивал ремень. Он был уже без рубашки. Я видела его спину, ту самую карту шрамов, которую я целовала по ночам. Сейчас мышцы на ней бугрились от напряжения.

Он взял со столика стек. Тонкий, гибкий прут.
Свист воздуха.

Хлесть!

Удар пришелся куда-то по телу Киры, я не видела куда, но услышала звук — мокрый, хлесткий.

— Ай! Больно, блядь! — взвизгнула она.

— А я не обещал, что будет приятно, — прорычал Руслан.
— Я хочу слышать, как ты орешь. Громче!

Он бил её. Не в рамках игры, не для разогрева. Он вымещал на ней свою ярость.

— Ты, дешевка, думала, можешь лезть в мои дела? — удар. — Думала, можешь звонить моим конкурентам? — удар. — Я научу тебя, кто твой хозяин!

— Руслан, я не... ай! Я ничего не делала! — Кира плакала, уже по-настоящему.

Я замерла. Конкуренты? О чем он?

Но Руслан не слушал. Он вошел в раж. Он превратился в зверя.

— Молчать! — он схватил её за горло. — Сейчас ты при-
мешь всё, что я тебе дам. И ты будешь благодарить меня за
это.

Он потащил её к Андреевскому кресту.

— Привязывай себя! Живо!

Звуки, которые он издавал... Это было нечеловеческое
рычание. Грязные слова сыпались из него потоком.

«Шлюха». «Подстилка». «Мясо».

Я слушала это и чувствовала, как внутри меня что-то уми-
рает окончательно. Последние осколки иллюзий, последние
надежды на то, что это просто «ошибка».

Нет. Это была его суть.

Дома он носил маску Бога. Здесь он был Дьяволом. И я не
знала, кого из них я ненавижу больше.

Он зафиксировал её руки. Кира всхлипывала, размазывая тушь по лицу.

— Кляп, — скомандовал он сам себе. — Где этот чертов кляп?

Он метнулся к столику, где лежал кейс. Тот самый, который я видела в чеке. Он достал черный шар.

— Открой рот.

Кира послушно открыла рот. Он грубо вставил шар, затянул ремешок на затылке. Теперь она могла только мычать.

— Вот так, — Руслан тяжело дышал. — Теперь ты идеальная. Немая и доступная. Прямо как моя жена, только ты умеешь принимать боль, а она — фарфоровая кукла, которую страшно разбить.

Упоминание обо мне стало триггером.

Как его жена.

Фарфоровая кукла.

Я почувствовала, как холодная ярость заливает меня от макушки до пят. Мои руки сами собой легли на пол, чтобы помочь мне подняться. Ноги затекли, но я не чувствовала этого.

Руслан подошел к Кире сзади. Он провел рукой по её бедру, оставляя красный след.

— Сейчас я покажу тебе, что такое настоящий Волк.

Он замахнулся стеклом.

Свист.

Удар.

Глухой, задушенный стон Киры.

Руслан запрокинул голову и зарычал от удовольствия.

— Да... Вот так... Кричи для меня, сука!

Это был пик. Точка кипения.

Я больше не могла сидеть в темноте, как мышь. Я не могла позволить ему наслаждаться своей властью, думая, что он безнаказан.

Я медленно поднялась. Колени хрустнули, но за шумом его тяжелого дыхания и стонов Киры он этого не услышал.

Я положила руку на ручку жалюзийной двери. Металл был холодным.

Сейчас я открою эту дверь. И я выпущу наружу не просто женщину. Я выпущу возмездие.

Я видела его спину. Он был увлечен. Он был в экстазе. Он был абсолютно, тотально уязвим в своей уверенности.

Мои пальцы сжались на ручке.

Щелк.

Замок гардеробной открылся.

Руслан замер с поднятой рукой. Он услышал. Звук был тихим, но в акустике этой бетонной коробки он прозвучал как гром.

Он начал медленно поворачивать голову.

Я толкнула дверь. Полоска света расширилась, выхватывая меня из темноты. Я стояла в своем сером пальто, с распущенными волосами, без ошейника. Прямая. Холодная. Мертвая.

Его глаза встретились с моими.

И в этот момент время в квартире 74 остановилось навсегда.

Глава 10

Свет из гардеробной упал на пол узкой, расширяющейся полосой, разрезая полумрак гостиной, словно скальпель хирурга разрезает гнилую плоть. Я сделала шаг вперед.

Мое серое пальто, пропитанное сыростью петербургской осени, казалось чужеродным элементом в этом храме черного глянца и стерильного разврата. Я чувствовала себя призраком, явившимся на чужой праздник жизни, чтобы объявить, что вечеринка окончена. Навсегда.

Руслан стоял ко мне вполоборота. Его правая рука с зажатым в ней гибким стеком была занесена для удара. Мышцы на его спине, мокрой от пота, бугрились, напряженные до предела. Он был похож на античную статую, изваянную не из мрамора, а из греха и ярости.

Он слышал щелчок двери. Я видела, как его тело замерло. Инстинкт хищника сработал быстрее мысли: он почувствовал присутствие чужака на своей территории.

Он начал поворачивать голову. Медленно. Словно ржавый механизм, который сопротивляется движению.

Сначала я увидела его профиль. Искривленный гримасой наслаждения, перемешанного с агрессией. Рот приоткрыт, жадно ловя воздух. На виске бьется вена. Но по мере того, как его взгляд смещался в мою сторону, выражение лица менялось.

Это была трансформация, которую стоило запечатлеть в учебниках по психиатрии.

Экстаз сменился недоумением. Недоумение — неверием. Неверие — животным, первобытным ужасом.

Наши взгляды встретились.

В комнате повисла тишина. Такая плотная, ватная, что, казалось, ее можно потрогать руками. Исчез гул вентиляции, шум города за окном, даже всхлипывания Киры, привязанной к креслу, стихли, словно кто-то нажал кнопку «Mute» на пульте управления вселенной.

Руслан смотрел на меня, и я видела, как в его мозгу происходит короткое замыкание.

Он видел Еву. Свою Еву.

Ту самую «чистую девочку», которую он оставил утром дома с чашкой кофе. Ту, которая должна была сидеть в пентхаусе, читать книгу и ждать его, преданно глядя на дверь.

Ту, которая никогда — слышите, никогда! — не должна была ступать на этот грязный пол.

Я стояла перед ним: в дешевом пальто, без макияжа, с распущенными волосами, без ошейника. Я была реальностью, которая ворвалась в его больную фантазию.

Его рука со стеклом дрогнула. Но он не опустил ее. Его тело все еще находилось в режиме атаки, накачанное адреналином и тестостероном. Он был взведен, как курок. Зверь

внутри него еще не понял, что охота окончена, и требовал крови.

Кира, почувствовав, что наказание прервалось, попыталась повернуть голову. Из-за кляпа и жесткой фиксации шеи у нее это получилось плохо, но она скосила глаза.

Она увидела меня.

Я заметила, как расширились ее зрачки. В них не было узнавания — мы не были знакомы лично. В них был страх. Страх жертвы, которая поняла, что в клетку к тигру вошел кто-то третий, и этот третий — не дрессировщик.

Но я не смотрела на нее. Мой взгляд был прикован к мужу.

Руслан моргнул. Один раз. Второй. Словно надеялся, что я исчезну. Что я — галлюцинация, вызванная переутомлением или игрой света.

— Е...ва? — звук вырвался из его горла с хрипом, похожим на скрежет металла.

Это было не имя. Это был вопрос к мирозданию. Как? Почему? За что?

Он сделал крошечное, почти незаметное движение в мою сторону. Стек в его руке свистнул, рассекая воздух. Это было произвольно, рефлекс мышц, но в этом движении все еще была угроза.

Я поняла, что он сейчас в состоянии аффекта. Он — машина, которая разогналась до предельной скорости, и у нее отказали тормоза. Он мог броситься на меня. Мог ударить. Не потому что хотел, а потому что его психика сейчас тре-

щала по швам, пытаюсь защититься от невозможного.

Мне нужно было остановить его. Не криком. Не истерикой. Не слезами.

Мне нужен был код доступа к его подсознанию. Команда, прошитая в его мозг годами практики.

Я выпрямила спину. Вдохнула спертый воздух этой комнаты, пахнущий потом и предательством. И произнесла одно-единственное слово. Тихо. Четко. Ледяным тоном.

— Алый.

Эффект был мгновенным.

Словно я выдернула шнур питания из розетки.

Руслана передернуло. Его плечи дернулись вверх, словно от удара током.

Стоп-слово.

Священный закон БДСМ. Красный свет. Абсолютная, безусловная остановка любого действия.

Это слово вбивается в подкорку любого Верхнего (и Нижнего) как безусловный рефлекс. Даже если ты в ярости, даже если ты пьян, даже если ты теряешь рассудок — на слово «Алый» тело реагирует раньше мозга.

Пальцы его правой руки разжались.

Тук.

Стек упал на наливной пол. Звук был сухим, коротким и

окончательным. Он прозвучал как удар судейского молотка. Приговор вынесен.

Руслан пошатнулся. Он смотрел на свою пустую руку, потом снова на меня. В его глазах ужас сменился паникой. Той самой паникой, которую испытывает ребенок, пойманный за совершением чего-то постыдного, только умноженной на масштаб взрослого мужчины, потерявшего лицо.

Он стоял передо мной полуголый, потный, с эрекцией, которая уже начала спадать, превращаясь в жалкое напоминание о его былом могуществе. Его грудь тяжело вздымалась. На торсе блестели капельки пота. Шрамы, которые я так любила целовать, сейчас казались мне уродливыми бороздами на теле чудовища.

— Ева... — он снова попытался что-то сказать, но голос сорвался.

Он сделал шаг назад. Не ко мне, а от меня. Словно я была радиоактивной. Словно мое присутствие жгло его кожу сильнее любого огня.

— Стоп, — прошептал он, словно подтверждая команду самому себе. — Стоп.

Я молчала. Я стояла неподвижно, засунув руки в карманы пальто, где лежали ключи от моей новой жизни. Я смотрела на него, и внутри меня, там, где раньше было сердце, разрассталась ледяная пустыня.

Я перевела взгляд на Киру.

Теперь, когда Руслан отошел, я могла рассмотреть ее луч-

ше.

Желтая куртка валялась в углу кучей тряпья. Латексное боди на ней лопнуло в районе бедра — видимо, Руслан порвал его в порыве «страсти».

Ее тело было покрыто красными полосами. Свежими, вспухшими. На бедрах наливались синяки.

Она дрожала. Мелкая, противная дрожь сотрясала кресло, к которому она была привязана. Из ее глаз текли слезы, размывая дешевую тушь, превращая ее лицо в маску паяца.

Черный кляп-шарик распирает ее рот, превращая нижнюю часть лица в гримасу боли.

И тот самый ошейник.

Красный коззам. Широкий. Грубый. С клепками.

Я смотрела на него и не чувствовала ничего. Ни ревности. Ни злости. Ни желания выцарапать ей глаза.

Только брезгливость.

Она была не соперницей. Она была инструментом. Грязным, использованным инструментом, который мой муж сломал и забыл выкинуть.

— Ммм... — промычала Кира, глядя на меня умоляюще.

ми глазами.

Она просила помощи? Или пощады?

Мне было все равно.

Я снова посмотрела на Руслана. Он пытался прикрыться. Инстинктивно подхватил с пола какую-то тряпку — кажется, свою рубашку — и прижал ее к паху.

Великий и ужасный Волк. Владелец заводов и пароходов. Доминант высшей лиги.

Сейчас он выглядел жалко.

— Что ты... — он сглотнул, кадык дернулся. — Что ты здесь делаешь? Как ты...

Он начал приходить в себя. Шок отступал, уступая место защитной реакции. Я видела, как в его глазах загорается злой огонек. Огонек нападения. «Лучшая защита — это нападение» — его жизненное кредо.

— Как ты попала сюда? — его голос окреп, в нем появились визгливые нотки истерики. — Ты следила за мной? Ты рылась в моих вещах?!

Он пытался перехватить инициативу. Пытался обвинить меня. Пытался сделать виноватой Еву, нарушившую границы, чтобы не думать о Руслане, который уничтожил их брак. Я не ответила. Я просто смотрела.

Я смотрела на него так, как реставратор смотрит на мебель, изъеденную жучком-древоточцем настолько, что восстанавливать ее не имеет смысла. Только в утиль.

— Отвечай мне! — рявкнул он, делая шаг вперед. — Ева! Ты не имеешь права...

Он пытался включить «голос». Тот самый командирский тон, от которого я раньше падала на колени.

Но здесь, в этой комнате, его магия не работала.

Здесь не было мужа. Здесь был потный, грязный мужик, который изменял мне с дешевкой.

Я медленно покачала головой.

Это движение — простое отрицание — остановило его лучше, чем удар хлыста. Он увидел в моих глазах то, чего боялся больше всего.

Равнодушие.

Я больше не была его. Я не была частью его стаи. Я была внешним наблюдателем. Судьей, который уже подписал приговор и теперь просто ждет, когда подсудимый закончит свою жалкую речь.

Он замолчал, тяжело дыша. Он понял.

Он понял, что я видела все.

Что я слышала, как он рычал. Как матерился. Как называл ее «сукой» и «мясом».

Он понял, что маска сорвана. Что я видела его гнилое нутро.

— Одевайся, — произнесла я.

Мой голос прозвучал тихо, но в акустике комнаты, где единственным звуком было его сиплое дыхание, он прогремел как гром.

— Что? — он моргнул.

— Одевайся, Руслан, — повторила я. — Игра окончена.

Я не кричала. Я не требовала. Я констатировала факт.

Я развернулась к нему спиной. Не потому что боялась. А потому что смотреть на него было физически неприятно. Меня мутило от запаха его пота, смешанного с запахом возбуждения.

Я подошла к жалюзи, скрывающим окно. За ним догорал закат, окрашивая небо в грязно-багровые тона. Цвет воспаленной раны. Цвет стыда.

Я слышала, как он стоит за моей спиной. Я чувствовала его взгляд, прожигающий мое пальто.

Он сейчас решал, что делать.

Броситься на меня? Ударить? Заставить замолчать силой?

Или упасть на колени и молить о прощении?

Но я знала Руслана. Он не упадет. Его гордыня — это стальной стержень, который держит его вертикально, даже когда он стоит по уши в дерьме.

Он будет атаковать.

— Ты не смеешь мне приказывать, — прошипел он. — Ты — моя жена. Ты должна...

Я не обернулась.

— Я никому ничего не должна, — бросила я через плечо. — Особенно тебе. Инвентарный номер один свободен. Разбирайся со вторым номером сам.

Я кивнула в сторону Киры.

В комнате повисла тяжелая, грозовая тишина. Воздух наэлектризовался.

Я знала, что сейчас грянет буря.

Но я была готова. У меня был зонт.

У меня были ключи в кармане и пустота в сердце.

Я ждала. Ждала, когда он сделает свой следующий ход. Ход, который окончательно похоронит нас под обломками его империи.

Глава 11 (Руслан)

от лица Руслана

Холодный пот мгновенно выступил на моей коже, вытесняя адреналиновый жар. Моя рука, занесенная для удара, замерла в воздухе, словно я был куклой, у которой оборвали нити. В голове билась одна мысль: невозможно.

Ева. Моя Ева.

Она стояла в проеме гардеробной, в своем нелепом сером пальто, и смотрела на меня. На меня, Руслана Волкова, Хозяина, зверя, который только что спускал свою дикую энергию на дешевую девку.

В её глазах не было ни истерики, ни слез, ни даже обиды. Там была... пустота. Та холодная, прозрачная пустота, которую я видел в бездонных глазах старинных статуй. Пустота реставратора, оценивающего предмет, который больше не подлежит восстановлению.

«Алый».

Это слово ударило меня сильнее, чем любой стек. Закодированное, священное, безусловное. Стоп-слово. Оно было частью нашего Протокола. Частью моей души. Оно мгновенно вырвало меня из аффекта. Отключило зверя. Оставило меня голым, растерянным, пойманным.

Стек выпал из моих пальцев. Тук. Звук на голом полу прозвучал как выстрел в тишине.

Я смотрел на свою опустевшую ладонь, потом снова на Еву. Ее образ в этой квартире был абсурдным. Словно ангел снизошел в преисподнюю, чтобы осудить демона.

— Е...ва? — хрип вырвался из моего горла.

Мой мозг лихорадочно искал объяснение. Галлюцинация? Сон? Подстава? Нет. Она была реальной. Ее глаза, ее бледное лицо, её спокойствие — все это было чертовой реальностью.

Первый импульс был животным: броситься на неё, схватить, трясти, заставить замолчать. Но стоп-слово висело в воздухе, невидимым барьером. Она активировала Протокол. И я не мог его нарушить.

Я чувствовал, как эрекция, которая еще секунду назад разрывала меня изнутри, мгновенно спадает, сменяясь холодным, липким потом. Унизительно. Позорно. Зверь внутри меня скулил, запертый в клетке моего собственного правила.

Кира, все еще привязанная к кресту, зашевелилась. Мычала сквозь кляп. Ее движения были дергаными, слабыми. Она тоже видела Еву. И в ее глазах я увидел не просто страх, а панику.

Нахер Киру. Она — разменная монета. Мусор. Моя проблема сейчас — Ева. Моя идеальная, хрупкая, но такая... живая Ева, которая стояла здесь и смотрела на меня, словно на насекомое под микроскопом.

Я пытался натянуть брюки, но руки не слушались. Мои

пальцы путались в молнии, а потом я вовсе уронил их. Быть голым, пойманным в момент грязного греха перед моей «святой» женой — это было хуже любого физического наказания. Я чувствовал себя пойманным школьником, пойманным на порнографическом журнале. И этот школьник был вожаком стаи.

— Ты следила за мной?! — рычание вырвалось из меня, как из раненого зверя. Я наконец-то смог говорить. Мозг начал строить защиту. — Ты рылась в моих вещах?! Ты хоть понимаешь, что ты натворила?!

Я попытался перехватить инициативу. Сместить фокус. Перевести стрелки. Это был мой привычный способ защиты. Обвинить. Задавить авторитетом. Заставить её чувствовать себя виноватой, чтобы отвлечь от моей собственной вины.

— Я берегу тебя от этого дерьма! — я сделал шаг к ней, размахивая руками. — Я прячу от тебя свою темную сторону, чтобы ты оставалась чистой! А ты лезешь сюда сама! Ты сама виновата в том, что увидела!

Ева не вздрогнула. Она не подняла рук. Она даже не моргнула. Просто смотрела. Ее глаза были холодными и ясными, как лед Байкала. Мои слова отскакивали от нее, как камни от бронированной стены.

— Отвечай мне! — ярость забилась в груди. — Ты не имеешь права! Ты — моя жена! Ты должна...

Я хотел схватить её, заставить замолчать. Но ее взгляд. Этот взгляд. В нем не было ни страха, ни подчинения. Там

было... ничего. Полное, абсолютное отсутствие эмоций. Так смотрят на сломанную мебель, которая не подлежит реставрации.

Я задохнулся. Мой голос сорвался.

Моя власть держалась на ее вере в меня. На ее добровольном подчинении. На ее любви. И сейчас я видел, как эта вера, эта любовь, это подчинение — все это выгорело в ее глазах, оставив после себя только пепел.

Я опустил руки. Тело вдруг стало тяжелым, словно налитым свинцом. Я чувствовал себя жалким. Голым, вспотевшим, беспомощным. Мой «Волк» скулил, запертый в клетке собственного унижения.

Я перевел взгляд на Киру. Она мычала, дергалась, пытаясь привлечь внимание. Ее латексное боди было порвано, макияж потек, тело покрывали красные следы от стека. Дешевка. Вульгарная, кричащая, противная. В присутствии Евы она выглядела отвратительно. Она была воплощением моего падения. Моей ошибки. Моего стыда.

— Заткнись! — рывкнул я на Киру, и мой голос дрогнул. Мне хотелось, чтобы она исчезла. Чтобы Ева не видела этот позор.

Кира дернулась, но умолкла.

Я потянулся к рубашке, валявшейся на кресле, пытаясь прикрыть пах, но это выглядело еще более нелепо.

— Ты ничего не понимаешь, Ева, — мой голос стал тише, в нем появилась нотка отчаяния. Я пытался оправдаться. —

Я... я делал это ради тебя. Чтобы не приносить грязь домой. Чтобы ты оставалась чистой.

Она снова покачала головой. Медленно. Спокойно. И в этом жесте было столько разрушительной силы, что мои колени едва не подогнулись. Она не верила. Она больше не верила ни одному моему слову.

Я хотел, чтобы она закричала. Чтобы бросилась на меня, заплакала. Чтобы устроила истерику, которую я мог бы подавить. Я знал, как управляться с женскими слезами. Но с этим её холодным равнодушием я ничего не мог поделать. Это было оружие, против которого у меня не было защиты.

Она сделала шаг. Не ко мне, а в сторону. Она подошла к окну, за которым догорал кроваво-красный закат над Финским заливом. Закат, который раньше казался мне символом нашей власти, а теперь — цвет моей позора.

— Одевайся, — произнесла она.

Её голос был тихим, ровным, без единой интонации. Но в этой фразе была такая сила, такая окончательность, что я замер.

— Что? — я моргнул, пытаюсь понять.

— Одевайся, Руслан, — повторила она. — Игра окончена.

Я не мог двинуться. Мои ноги приросли к полу. Я был пойман. Загнан в угол. Она приговорила меня одним словом.

Я смотрел на её спину. На серый, невзрачный силуэт, который еще вчера я считал невидимым. А сегодня он казался мне самой опасной тенью, какую я когда-либо видел.

— Ты не смеешь мне приказывать, — прошипел я. Мой голос все еще пытался звучать властно, но в нем проскальзывала паника. — Ты — моя жена! Ты должна...

— Я никому ничего не должна, — её голос прозвучал как эхо, вернув мне мои же слова. Она не повернулась. — Особенно тебе. Инвентарный номер один свободен. Разбирайся со вторым номером сам.

Она кивнула в сторону Киры, которая, кажется, уже начала тихо всхлипывать, поняв, что её "Волк" внезапно превратился в загнанного щенка.

Я не мог дышать. Воздух в комнате стал густым, тяжелым, пропитанным запахом пота, латекса и моего унижения.

Мой мир, построенный на лжи и контроле, рушился. Я чувствовал, как стены моей крепости осыпаются. Моя империя — мой брак, моя власть, моя репутация — все это превращалось в пыль. И той, кто обрушил её, была моя «святая» жена.

Её рука медленно потянулась к карману пальто.

Я замер. Что она там прячет? Оружие? Телефон? Диктофон?

Я ожидал удара. Физического, словесного — не важно. Я был готов к любой атаке.

Но я не был готов к тому, что она достанет.

Мои глаза не отрывались от её руки. Она медленно вынула

из кармана...

Моё свадебное кольцо.

Оно блеснуло в свете заката, отражая кровавые отблески неба. Такое маленькое, такое обычное. Но в этот момент оно стало самым мощным оружием, которое когда-либо было направлено против меня.

Она разжала пальцы.

Кольцо упало на полированный пол с тихим, но оглушительным звоном.

Металл прокатился несколько раз, ударился о ножку кресла, к которому была привязана Кира, и замер.

Ева не смотрела на него. Она смотрела в окно, на гаснущий закат.

И тогда я понял.

Это был конец. Моей империи. Моей власти. Моей жизни, какой я её знал.

Это был крах.

Я хотел закричать. Хотел упасть на колени и молить. Но мой голос застрял где-то в груди, перекрытый той пустотой, которую Ева выжгла во мне своим равнодушием.

Она повернулась к двери.

— Ты нарушил Контракт, Руслан, — тихо произнесла она, глядя уже не на меня, а на выход. — Ты заигрался. Теперь играть буду я.

Она сделала шаг к двери.

Моя рука дернулась. Я хотел броситься к ней, схватить, запереть. Но мои ноги не слушались. Я был парализован.

Ева открыла дверь.

Холодный воздух коридора ворвался в душную квартиру. Запах пота, латекса и страха мгновенно выветривался.

Она вышла, не оглянувшись.

И дверь за ней закрылась.

Я остался один. В своей грязной, провонявшей похотью квартире. Голый, униженный. Рядом со мной, связанная и мычащая, лежала Кира. На полу блестело моё свадебное кольцо. И в ушах звенели её последние слова: «Теперь играть буду я».

Глава 12

Дверь квартиры номер 74 закрылась за моей спиной с мягким, маслянистым щелчком. Этот звук, такой тихий в пустом коридоре элитного комплекса, прозвучал в моей голове как удар гильотины, отсекающий прошлое от настоящего.

Я прижалась спиной к холодному дереву, чувствуя, как ноги начинают подкашиваться. Адреналин, который держал меня в вертикальном положении последние десять минут, начал стремительно покидать кровь, оставляя взамен тошнотворную слабость.

За дверью было тихо. Слишком тихо.

Я ожидала, что Руслан бросится за мной. Что он распахнет дверь, голый, разъяренный, схватит меня за волосы и втащит обратно в свой ад. Но он не вышел. Вероятно, шок от моего появления и звон упавшего обручального кольца парализовали его надежнее любых цепей. Или он сейчас затыкал рот Кире. Или натягивал штаны, пытаясь вернуть себе хотя бы иллюзию человеческого достоинства.

Я посмотрела на свою левую руку.

На безымянном пальце остался бледный след — полоска незагорелой кожи. Семь лет я носила этот золотой ободок, считая его символом бесконечности нашей любви. Теперь палец казался пугающе голым. Легким.

Свободным.

— Дыши, Ева, — приказала я себе шепотом. — Дыши. Ты сделала это. Ты не умерла.

Мне нужно было уходить. Бежать. Руслан — боец, стратег, параноик. Его ступор не продлится вечно. Через пять, максимум десять минут его мозг перезагрузится. Сработает защитная программа: найти, обезвредить, вернуть контроль. Он поймет, что я ушла. Он бросится в погоню.

Я оттолкнулась от двери и быстрым шагом направилась к лифтам. Мои дешевые ботинки глухо стучали по ковролину коридора.

Лифт приехал мгновенно, словно ждал меня. Я вошла в зеркальную кабину и нажала кнопку первого этажа. Из зеркала на меня смотрела женщина-призрак. Серое пальто, растрепанные волосы, бледное лицо без макияжа. Но глаза... Глаза были живыми. В них больше не было той поволоки обожания, которая застилала мне взгляд годами.

Я вышла на улицу. Ветер с залива ударил в лицо, выбивая из легких остатки спертého воздуха квартиры 74, пропитанного запахом латекса и измены.

Мне нужно было такси. Срочно.

Я достала телефон. Руки дрожали так, что я с трудом попадала по иконкам. «Эконом». Оплата наличными.

Пока приложение искало машину, я начала считать. Сейчас 19:15.

Руслану нужно время, чтобы одеться. Чтобы осознать

масштаб катастрофы. Чтобы, возможно, рывкнуть пару приказов Кире или просто вышвырнуть её. Допустим, десять минут.

Потом он спустится в паркинг. Еще пять минут.

Дорога до Крестовского острова в это время — это адские пробки. Даже на его «Гелендвагене», даже с его манерой езды по обочинам, это займет минимум сорок минут.

У меня есть час. Может быть, час пятнадцать.

Час, чтобы добраться до нашего пентхауса, забрать самое необходимое и исчезнуть до того, как Волк вернется в свое логово.

Такси подъехало. Белый «Солярис» с разбитой фарой. Я нырнула на заднее сиденье.

— Крестовский остров, Вязовая улица, — бросила я водителю. — Пожалуйста, быстрее. Я доплачу.

Водитель кивнул, и мы влились в поток машин.

Я откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. Перед внутренним взором все еще стояла эта картина: Руслан с занесенным стеклом, его потное тело, искаженное лицо. И Кира. Жалкая, связанная, в этом нелепом красном ошейнике.

Странно, но я не чувствовала боли. Боль — это реакция живого организма на повреждение. А я сейчас была механизмом. Холодным, расчетливым механизмом, у которого была только одна цель: выжить и уничтожить.

Я ехала домой не просто за вещами. Я не собиралась набивать чемоданы платьями, которые он мне покупал. Мне не нужны были его шубы, его бриллианты (кроме тех, что я могла бы продать в крайнем случае, но даже к ним прикасаться было противно). Все эти вещи были частью Евы-куклы. А кукла осталась там, в квартире 74, разбившаяся об пол вместе с обручальным кольцом.

Мне нужны были мои инструменты. Мой саквояж реставратора. Японские стамески, наборы скальпелей, растворители. Это было единственное, что принадлежало мне по-настоящему. Мое ремесло. Мой хлеб.

И ключи.

Ключи от студии Марго, которые я спрятала внутри старинных часов. Без них мне негде ночевать. Я не могла поехать к Марго прямо сейчас — это было бы слишком очевидно, Руслан первым делом будет искать меня у знакомых. Мне нужно было залечь на дно.

Машина ползла по мосту. Я смотрела на темную воду Невы и чувствовала, как внутри натягивается струна.

Быстрее. Быстрее.

Если я столкнусь с ним в квартире... Я не знала, что он сделает. Ударит? Запрет? Накачает успокоительным? Руслан, которого я увидела сегодня, был способен на все. Барьер цивилизованности рухнул.

— Приехали, — буркнул водитель.

Я сунула ему купюру, не считая сдачи, и выскочила из ма-

шины.

Пентхаус встретил меня тишиной. Темной, гулкой тишиной огромного пространства, которое когда-то казалось мне самым безопасным местом на земле. Теперь оно напоминало склеп.

Я не стала включать основной свет. Ограничилась подсветкой в коридоре.

Запах.

Здесь пахло сандалом, дорогой кожей и чистотой. Тем самым запахом «святости», который Руслан так культивировал. Теперь этот аромат казался мне запахом формалина.

Я не разунаясь пробежала по коридору в свою мастерскую.

Здесь пахло иначе. Лаком, пылью, скипидаром. Запах правды.

Я подбежала к напольным часам. Мои пальцы, ставшие вдруг ловкими и жесткими, открыли заднюю панель механизма. Я посветила фонариком телефона.

Вот они.

Связка ключей, приклеенная скотчем к деревянной стенке.

Я сорвала их, сунула в карман. Есть. У меня есть крыша над головой.

Теперь инструменты.

Я достала свой кожаный дорожный саквояж — старый, потертый, но надежный. Я начала методично складывать в него самое ценное.

Набор стамесок из дамасской стали — подарок мастера, у которого я училась в Италии.

Скальпели.

Банки с редкими пигментами.

Мой рабочий ноутбук.

Я замерла, держа ноутбук в руках.

В нем — скачанный архив с планшета Руслана. Фотографии, видео, геолокации. Доказательства. Мой страховой полис. Мой ядерный чемоданчик.

Я положила его в саквояж, проложив мягкой ветошью. Что еще? Документы.

Они лежали в верхнем ящике моего рабочего стола. Паспорт, дипломы, документы на машину (которую я не беру, потому что в ней GPS, но документы нужны).

Я застегнула саквояж. Он был тяжелым, но эта тяжесть была приятной.

Взгляд упал на часы на стене.

19:55.

Прошло сорок минут с момента моего ухода из «Привилегии». Он может быть уже близко.

Мне нужно было уходить. Бежать.

Но я не могла уйти просто так.

Я должна была оставить послание. Точку. Финальный аккорд.

Я взяла саквояж и пошла в спальню.

Наша спальня. Огромная кровать, застеленная серым шелком. Место, где я была счастлива. Место, где я была слепа.

Я подошла к прикроватной тумбочке со стороны, где обычно спала я.

Там лежал он.

Ошейник.

Черная кожа, белое золото. Тот самый, который я сняла вчера вечером. Руслан не убрал его. Он оставил его там как немой укор, как напоминание о моем месте.

Я взяла его в руки. Кожа была прохладной.

Семь лет я застегивала этот замок, чувствуя гордость. Чувствуя принадлежность.

Какая же я была дура.

Я подошла к сейфу, замаскированному за картиной. Код я знала — Руслан никогда не менял его, считая, что я не интересуюсь бумажками.

Я набрала комбинацию. Дверца открылась.

Папка с документами.

Я достала наш Брачный договор. И приложение к нему — D/s Контракт.

Это была не юридическая бумага, а наша личная. Красивая, плотная бумага с водяными знаками. Каллиграфический почерк.

«Я, Руслан Волков, беру ответственность за жизнь, здоровье и благополучие Евы Волковой...»

«Я, Ева Волкова, добровольно передаю право управления своей жизнью...»

Красивые слова. Красивая ложь.

Я положила Контракт на идеально разглаженную подушку

Руслана. На то место, где должна лежать его голова.

Я достала из кармана (я прихватила его в мастерской вместе с инструментами) острый ремесленный нож. Скальпель для вскрытия шпона.

Лезвие сверкнуло в полумраке.

Я не стала рвать бумагу. Это было бы слишком эмоционально. Слишком по-человечески.

Я прижала лезвие к бумаге.

Вжик.

Ровный, хирургически точный разрез прошел прямо по нашим подписям. Разделил наши имена. Разделил нашу жизнь.

Половина с подписью «Руслан» осталась лежать слева. Половина с подписью «Ева» — справа. Между ними — черная полоса пустоты.

Я взяла ошейник.

Я положила его сверху на разрезанный лист. Прямо по центру.

Свернутая черная змея на белой бумаге.

Натюрморт смерти.

Я отступила на шаг и посмотрела на свою работу.

Это было идеально. Это было красноречивее любых писем, любых истерик.

Здесь лежал не просто кусок кожи и бумаги. Здесь лежал труп нашего брака.

В прихожей слышался шум лифта.

Сердце подпрыгнуло к горлу.

Лифт в пентхаус был индивидуальным. Никто, кроме нас с Русланом, не мог подняться сюда без звонка консьержа.

Он вернулся.

Он ехал быстрее, чем я рассчитывала. Видимо, гнал как сумасшедший.

Я схватила саквояж. Бежать к лифту было нельзя — мы столкнемся нос к носу.

Пожарная лестница.

Выход на нее был через кухню, через техническую поджию.

Я метнулась туда, стараясь не шуметь. Мои мягкие подошвы едва касались паркета.

Звук ключа в замке входной двери.

Я была на кухне.

Дверь открылась.

— Ева! — его голос. Громкий, хриплый, страшный.

Он не звал. Он рычал.

Я выскользнула на лоджию. Дверь черного хода была заперта на засов изнутри. Слава богу, я смазывала петли месяца назад.

Я отодвинула засов.

Дверь поддалась.

Я слышала быстрые, тяжелые шаги в коридоре. Он бежал.

— Ева, я знаю, что ты здесь! Выходи!

Я вышла на лестничную площадку и тихо прикрыла за собой тяжелую металлическую дверь.

Замок щелкнул.

Я прижалась лбом к холодному бетону стены.

Успела.

Нас разделяла стальная дверь и несколько секунд.

Теперь вниз. Девять этажей пешком. С тяжелым саквояжем.

Я бежала, перепрыгивая через ступеньки. Эхо моих шагов гуляло по бетонному колодцу лестницы. Мне казалось, что сейчас дверь наверху распахнется, и я услышу его топот, его дыхание за спиной.

Пятый этаж.

Третий.

Первый.

Я вывалилась во двор через запасной выход, который вел к мусорным контейнерам. Не самое гламурное прощание с элитной жизнью, но самое надежное.

На улице было темно. Дождь перестал, но воздух был влажным и холодным.

Я обогнула дом, стараясь держаться в тени деревьев.

У главного входа стоял его «Гелендваген». Он бросил его как попало, перегородив выезд. Фары еще горели. Двигатель, наверное, еще щелкал, остывая.

Я посмотрела на окна пентхауса.

Там горел свет. Я видела, как в окне спальни мелькнула тень.

Он нашел мое послание.

Я представила его лицо.

Как он стоит над кроватью. Смотрит на разрезанный контракт. На ошейник.

Понимает, что в квартире пусто. Что нет ни меня, ни моих инструментов.

Что птичка не просто улетела. Птичка сожгла клетку.

Я отвернулась и пошла прочь, к проспекту, где можно было поймать машину.

Мой телефон в кармане завибрировал.

Руслан.

Я достала аппарат. На экране светилось его фото. Тот самый снимок, где он выглядел как бог.

Я смотрела на звонок, и палец завис над красной кнопкой. Сбросить?

Нет. Это будет слабостью.

Ответить?

Слишком много чести.

Я сделала то, что должна была сделать.

Я вытащила сим-карту. Маленький кусочек пластика.

Я подошла к ливневой решетке на тротуаре и разжала пальцы.

Сим-карта канула в черную жижу.

— Абонент временно недоступен, — прошептала я. — Или находится вне зоны вашего контроля.

Я вышла на проспект.

Такси ждать не пришлось. Я подняла руку, и передо мной затормозил частник на старой иномарке.

— Васильевский остров.

Я села назад, прижимая к груди саквояж с инструментами.

Мы ехали по ночному городу. Огни фонарей сливались в бесконечные полосы. Мосты были разведены или нет — я не знала, мне было все равно. Я ехала в другую жизнь.

Я закрыла глаза.

В темноте я видела не Руслана. Я видела себя.

Ту Еву, которая семь лет назад вошла в этот дом с надеждой. Она умерла сегодня. Я похоронила ее там, в гардеробной квартиры 74.

Женщина, которая ехала сейчас в машине, была другой.

У нее не было мужа. Не было дома. Не было денег на счетах (скоро их заблокируют).

Но у нее были руки мастера. У нее была ярость. И у нее был план.

Я вспомнила слова Марго: «Если хочешь разрушить его мир, сделай это красиво».

Я сделала первый шаг. Я показала ему зеркало.

Теперь начнется второй этап. Реставрация.

Но я буду реставрировать не наш брак. Я буду реставрировать справедливость.

Я коснулась своей шеи.

Голой. Свободной.

Там, где был след от ошейника, теперь пульсировала вена. Жизнь билась во мне ровным, сильным ритмом.

— Ты заигрался, Руслан, — прошептала я, глядя на проплывающий за окном шпиль Петропавловки. — Ты думал, что владеешь мной. Но ты забыл первое правило реставратора: мы знаем, как разобрать предмет на части так, чтобы никто не понял, как собрать его обратно.

Машина нырнула в туннель. Темнота обняла меня.

Но я не боялась темноты.

Я сама стала темнотой.

Глава 13

Такси затормозило у глухой арки на одной из линий Васильевского острова. Это был старый Петербург, тот самый, что не печатают на глянцевых открытках для туристов. Здесь фасады домов смотрели друг на друга подслеповатыми окнами, штукатурка хранила следы времени и сырости, а воздух пах мокрым камнем и Невой.

— Приехали, — буркнул водитель, даже не обернувшись.

Я сунула ему последнюю крупную купюру, не дожидаясь сдачи, и вышла в ночь. Тяжелый саквояж с инструментами оттянул руку, мгновенно напоминая о реальности. В этом кожаном бауле была вся моя жизнь. Не платья, не бриллианты, не документы на недвижимость. Только сталь, ноутбук с компроматом и мои навыки.

Машина вильнула красными габаритами и скрылась в тумане, который уже начинал наползать с залива. Я осталась одна перед черным зевом подворотни.

Странное чувство. Обычно в это время я сидела в гостинице пентхауса, под защитой бронированных стекол и круглосуточной охраны, ожидая, когда Руслан вернется домой. Я была принцессой в высокой башне. Теперь я стояла посреди двора-колодца, где единственным источником света была тусклая лампочка над парадной, и чувствовала себя бездомной кошкой.

Но, черт возьми, это была кошка, которая сама выбрала свою крышу.

Я вошла в арку. Под ногами хрустел гравий и битое стекло. Где-то в глубине двора истошно орала сигнализация, но никто не спешил ее выключать. Здесь жизнь текла по другим законам, далеким от стерильного порядка «Привилегии» или Крестовского острова.

Нужный подъезд нашелся в самом углу. Дверь была старой, железной, выкрашенной в бурый цвет, с кодовым замком, кнопки которого были стерты тысячами пальцев. Марго сказала код: 4589.

Я нажала. Писк. Дверь подалась с тяжелым, ржавым стоном.

В парадной пахло кошками, жареной картошкой и старыми газетами. Этот запах, густой и спертый, ударил в нос после свежего дождя, но он не вызвал отвращения. Наоборот. Это был запах настоящей, непричесанной жизни. Жизни, где люди едят картошку, а не карпаччо из гребешка, и где никто не носит ошейников.

Лифт не работал. На кнопке вызова кто-то заботливо приклеил бумажку: «Сломался. Ходите пешком, полезно для жопы».

Я усмехнулась. Грубо. Честно.

Мансарда Марго находилась на шестом этаже. Я поднималась медленно, таща свой саквояж. Ступеньки были стерты посередине — сколько ног прошло здесь за сто лет? Мои

ноги, обутые в простые ботинки, теперь тоже стали частью этой истории.

Каждый шаг давался с трудом. Адреналин, который гнал меня из квартиры любовницы и из моего собственного дома, выветрился окончательно. Осталась только свинцовая усталость. Мышцы ныли, в голове стоял гул.

Шестой этаж. Последняя дверь, обитая дерматином.

Я достала связку ключей, которую забрала из часов. Руки дрожали, но уже не от страха, а от истощения. Ключ вошел в замок туго. Пришлось навалиться плечом, покрутить, ловя нужный момент.

Щелк.

Дверь открылась, впуская меня в темноту.

Я шагнула внутрь и заперла за собой на все обороты. Прислонилась спиной к двери и сползла на пол, не выпуская из рук ручку саквояжа.

Тишина.

Здесь она была другой. Не звенящей пустотой огромного пентхауса, не напряженной тишиной ожидания перед приходом Хозяина. Это была тишина пыли. Тишина забвения.

Я сидела на полу в чужой квартире, в темноте, и слушала, как стучит мое собственное сердце.

Раз. Два. Три.

Я жива. Я свободна. Я одна.

Спустя несколько минут я заставила себя встать. Нашупала выключатель на стене.

Под потолком вспыхнула одинокая лампочка без абажура, озарив пространство резким, желтым светом.

Это была классическая питерская мансарда: скошенный потолок, кирпичные стены, выкрашенные в белый, который давно стал серым от времени. Мебели было минимум: широкий диван, накрытый пыльным чехлом, старый стол, пара стульев и крошечная кухня в нише.

Марго называла это место своим «бункером». Сюда она сбегала, когда уставала быть железной леди БДСМ-мира. Здесь не было ни бархата, ни плетей, ни дорогого алкоголя. Только пыль и свобода.

Я прошла в центр комнаты и поставила саквояж на стол. Звук удара кожи о дерево прозвучал как утверждение.

Я открыла его.

Мои инструменты. Мои верные солдаты.

Стамески лежали в своих гнездах, блестя холодной сталью. Скальпели, обернутые в мягкую замшу. Банки с пигментами. И ноутбук.

Я провела пальцем по крышке компьютера. Там, внутри, хранился цифровой слепок грязной души моего мужа. Видео, где он срывает злость на любовнице. Фотографии их утех. Геолокации. Это был мой ядерный чемоданчик. Если Руслан решит начать войну на уничтожение — а он решит,

я в этом не сомневалась, — я нажму кнопку.

Но сейчас мне нужно было другое.

Я поняла, что у меня нет ничего. Ни сменного белья. Ни зубной щетки. Ни еды. Ни даже мыла. Я сбежала как была — в домашнем платье и пальто, прихватив только орудия труда и мести.

Я огляделась. На кухне нашелся чайник и начатая пачка чая, судя по дате — трехлетней давности. В ванной обнаружился кусок хозяйственного мыла и старое, жесткое полотенце.

Что ж. Солдаты на войне не выбирают удобства.

Я пошла в ванную. Мне нужно было смыть с себя этот день. Смыть взгляд Руслана, запах «Привилегии», ощущение липкого страха, который преследовал меня на лестнице.

Я открыла кран. Трубы загудели, затряслись, и из них вырвалась струя ржавой воды. Я смотрела, как бурая жидкость стекает в фаянсовую раковину, и думала о том, что это лучшая метафора моей жизни. Сверху — блеск и чистота, а внутри — ржавчина.

Я подождала, пока вода станет прозрачной. Умылась, жадно хватая ртом холодную влагу.

Подняла голову и посмотрела в зеркало.

Из амальгамы, местами побитой черными точками, на меня смотрела незнакомка. Бледная кожа, темные круги под глазами, растрепанные волосы. Но в этом лице проступала жесткость, которой я раньше не замечала. Словно с меня

сняли слой мягкого лака, обнажив твердую древесину.

Я опустила взгляд на свои руки.

На безымянном пальце левой руки белела четкая полоска. След от кольца.

Семь лет я носила его, не снимая. Оно вросло в меня, стало частью плоти. Теперь его не было. Я бросила его в лицо Руслану там, в квартире 74.

Но след остался.

Он выглядел как шрам. Как незаживающая рана на загорелой коже. Я начала тереть палец под струей ледяной воды. Яростно, до красноты. Мне хотелось стереть эту белую полоску, уничтожить память о том, что я кому-то принадлежала.

— Уходи, — шептала я, сдирая кожу ногтями. — Уходи.

Но след не исчезал. Он был глубже, чем загар. Он был в структуре самой кожи.

Я выключила воду и оперлась руками о раковину, тяжело дыша.

Ладно. След от кольца сойдет со временем. Загар выровняется. Кожа обновится.

Но было кое-что еще.

Я медленно подняла подбородок, открывая шею.

Там, где семь лет был ошейник, кожа была неестественно белой и гладкой. Тонкая, едва заметная вмятина опоясывала

горло. След от постоянного давления.

Я коснулась этого следа кончиками пальцев.

Меня передернуло.

В памяти всплыла картинка: шея Киры. Красный, дешевый козам. Клепки. Вспухшая кожа вокруг ремня.

Руслан маркировал нас. Как скот.

Меня — золотом и тонкой кожей, потому что я была «элитной породой» для парадного выезда.

Ее — грубым пластиком, потому что она была «рабочей лошадкой» для грязных дел.

Но суть была одна. Мы обе носили его клеймо. Мы обе были привязаны к его руке, к его настроению, к его похоти.

К горлу подступил ком. Я вспомнила, как гордилась своим ошейником. Как я думала, что это знак высшего доверия. Боже, какая я была слепая. Какая наивная дура. Я сама подставила шею, сама застегнула замок, сама отдала ключ.

— Никогда, — произнесла я, глядя в свои глаза в зеркале.

Мой голос прозвучал хрипло, но твердо.

— Больше никогда. Никто. Ни один мужчина на этой земле не наденет на меня цепь. Я лучше сдохну в канаве, чем позволю кому-то снова владеть моим дыханием.

Я провела ладонью по шее, стирая фантомное ощущение кожи.

Теперь я дышу сама.

Это больно. Это страшно. Но этот воздух — мой.

Я вышла из ванной, чувствуя, как озноб пробирает тело. В мансарде было прохладно, а мое платье было тонким.

Я подошла к дивану и сдернула пыльный чехол. Поднялось облако мелких частиц, заплескавших в свете лампы. Старая обивка, продавленные пружины. Царское ложе для беглой королевы.

Я не стала искать постельное белье — я знала, что его здесь нет. Я просто легла на диван, подтянув колени к груди и укрывшись своим пальто. Оно было влажным, но все же давало хоть какое-то тепло.

Саквояж я поставила на пол, в изголовье. А ноутбук положила рядом с собой, под руку.

Мое оружие.

Пока оно со мной, Руслан не посмеет меня тронуть физически. Он знает, что если со мной что-то случится, этот архив уйдет в сеть, в налоговую, к конкурентам. Он безопасник, он понимает правила игры.

Я закрыла глаза.

В голове, как на киноленте, прокручивались события последних часов.

Мой приход в квартиру. Взгляд Руслана. Падение стека. Кольцо на полу.

И потом — дома. Разрезанный контракт. Ошейник на подушке.

Который час сейчас? Почти одиннадцать.

Руслан уже дома.

Я представила, как он входит в пустой пентхаус. Как его шаги гулко отдаются в тишине.

Он зовет меня? Нет. Он уже понял, что я не прячусь в ванной.

Он идет в спальню.

Он видит подушку.

Я видела эту сцену так ясно, словно стояла рядом.

Вот он берет в руки разрезанную бумагу. Видит, что лезвие прошло прямо по нашим именам. Разорвало связь.

Вот он берет ошейник. Тот самый, который он запрещал мне снимать.

Он сжимает его в кулаке.

Что он чувствует?

Боль? Вряд ли. Звери вроде него чувствуют только ярость от потери контроля.

Он сейчас мечется по квартире. Звонит мне.

Но мой телефон лежит на дне ливневой канализации на Крестовском острове.

Он проверяет счета. Видит, что я ничего не сняла.

Он проверяет гараж. Машина на месте.

Я исчезла. Растворилась. Выпала из его системы координат.

Я улыбнулась в темноту. Злая, холодная улыбка.

— Бесись, Волк, — прошептала я. — Ищи меня. Рви на себе волосы. Круши мебель. Но ты не найдешь прежнюю Еву. Ты убил её сегодня в 19:15.

А та, кто лежит сейчас на пыльном диване на Васильевском острове, тебе не по зубам.

За окном шумел дождь, смывая следы моего бегства. Где-то далеко выла сирена, напоминая о том, что большой город никогда не спит.

Я проваливалась в сон — тяжелый, черный, без сновидений. Сон солдата перед решающей битвой.

Завтра утром я проснусь, и начнется новая жизнь. Жизнь, где я буду не реставрировать старое, а строить новое. На руинах его империи.

Я поплотнее закуталась в пальто.

Моя шея мерзла без привычного тепла ошейника. Но это был холод свободы. И он мне нравился.

Глава 14 (Руслан)

от лица Руслана

Лифт поднимался на девятый этаж слишком медленно. Мне казалось, что тросы растягиваются, как жевательная резинка, издеваясь над моим нетерпением. Цифры на табло менялись с ленивой грацией: 5... 6... 7...

Я барабанил пальцами по полированной стали поручня. В висках стучала кровь, заглушая гул механизма.

Ева была здесь. Я знал это. Я чувствовал это своим звериным чутьем, которое никогда меня не подводило — до сегодняшнего вечера. Она не могла испариться. Она была в квартире, возможно, запирала двери, баррикадировалась, собирала вещи в истерике. Или сидела на полу, ожидая моего прихода, чтобы устроить сцену со слезами и битьем посуды.

Пусть бьет. Пусть кричит. С истерикой я справлюсь. Женская истерика — это просто выброс энергии, который гасится жесткостью и сексом. Но то ледяное спокойствие, с которым она вышла из квартиры на Леонтьевском мысу... Оно пугало меня до чертиков.

Дзинь.

Двери разъехались. Я вылетел на площадку и в два шага оказался у входной двери. Ключ не понадобился — замок был открыт.

Я толкнул тяжелую створку. Она ударилась об ограничи-

тель с глухим звуком.

— Ева! — мой голос разорвал тишину пентхауса. Это был не зов. Это был приказ вернуться в строй.

Тишина.

Но это была не та уютная тишина, которая обычно встречала меня по вечерам. Не тишина ожидания, когда ты знаешь, что где-то в глубине квартиры бьется теплое сердце твоего дома. Это был вакуум. Мертвая, стерильная пустота, от которой закладывало уши.

Я вошел в холл, на ходу скидывая туфли.

— Ева, я знаю, что ты была здесь! Выходи!

Я прошел в гостиную. Пусто. Идеальный порядок, который теперь казался мне декорацией в заброшенном театре. Ни запаха ужина, ни звука работающего телевизора, ни света торшера в углу, где она любила читать.

Я метнулся на кухню.

Дверь на техническую лоджию была приоткрыта. Ветер с улицы шевелил тюль, и этот ритмичный шорох действовал на нервы.

Я подошел к двери. Засов был отодвинут. Петли, которые я сам смазывал месяц назад, блестели в свете уличных фонарей.

Она ушла через черный ход.

Я выскочил на холодную бетонную площадку пожарной лестницы. Взглянул вниз, в темный колодец пролета.

Никого. Только гулкое эхо, которое могло быть остатком

ее шагов, а могло — игрой моего воображения.

— Черт! — я с силой ударил кулаком по металлическим перилам. Боль отрезвила.

Она сбежала. Моя тихая, домашняя, «фарфоровая» Ева спустилась пешком с девятого этажа и растворилась в ночи.

Я вернулся в квартиру и захлопнул дверь лоджии. Запер ее на засов, словно это могло вернуть время вспять.

Мне нужно было понять масштаб катастрофы. Что она забрала? Деньги? Драгоценности? Документы на квартиру? Если она решила играть в войну, мне нужно знать, каким арсеналом она располагает.

Я быстрым шагом направился в гардеробную.

Ряды ее платьев висели нетронутыми. Шубы, шелковые блузки, кашемировые пальто — все, что я покупал ей годами, все, во что я ее упаковывал, создавая образ идеальной жены Волкова. Она ничего не взяла. Даже то черное платье, в котором была вчера, висело на месте.

Сейф с драгоценностями был закрыт. Я проверил — кольцо, серьги, браслеты. Все на месте.

Она ушла пустой? В чем была? В том убогом сером пальто?

Но что-то она должна была взять. Ева не дура. Она прагматик.

Я пошел в ее мастерскую.

Это была единственная комната в доме, где я чувствовал себя гостем. Здесь пахло не моим дорогим сандалом, а ски-

пидаром, лаком и старым деревом.

Я включил верхний свет.

Верстак был пуст.

Исчез ее старый кожаный саквояж. Тот самый, потертый, с которым она ездила на стажировку в Италию еще до нашей свадьбы.

Я подошел ближе.

Нет набора японских стамесок. Нет скальпелей. Нет банок с пигментами, которые она заказывала из Германии и тряслась над ними, как над золотым песком.

Нет ноутбука.

Меня передернуло.

Она не взяла бриллианты, которые я дарил. Она не взяла деньги (я проверил тайник в ящике — наличные лежали нетронутыми).

Она забрала инструменты.

Она забрала свое ремесло. То, что делало ее Евой-мастером, а не Евой-женой.

Это укололо мое самолюбие сильнее, чем если бы она вычистила сейф. Забрав инструменты, она показала, что планирует жить. Работать. Существовать без моих денег.

— Ну давай, — прошептал я, глядя на пустой стол. — Попробуй прожить на реставрации старых табуреток, когда я

перекрою тебе кислород. Посмотрим, как быстро ты вспомнишь вкус икры.

Но внутри шевельнулось неприятное чувство. Тревога. Она готовилась. Это не было спонтанным решением истерички. Она действовала холодно, расчетливо. Как хирург. Или как спецназовец в тылу врага.

Я вышел из мастерской. Оставалась спальня.

Наше святилище. Место, куда я никого не пускал. Место, где, как я думал, мы были единым целым.

Дверь была открыта. В комнате горел только ночник у изголовья кровати — с моей стороны.

Я вошел. В нос ударил запах чистого белья и... пустоты.

Кровать была идеально заправлена. Покрывало натянуто так, что об него можно было порезаться. Ни одной складки.

Мой взгляд упал на подушку.

Я замер.

Там, в центре белоснежной наволочки, лежал натюрморт, от которого у меня похолодело внутри.

Лист плотной бумаги с водяными знаками. Наш D/s Контракт. Тот самый документ, который мы подписали семь лет назад. Это была не юридическая филькина грамота, это был манифест нашей жизни. Моей ответственности и ее подчинения.

Лист был разрезан.

Не порван в клочья в приступе ярости. Не скомкан.

Он был разрезан лезвием. Ровно, хирургически точно. Линия разреза проходила прямо посередине, разделяя наши подписи. «Руслан» остался на одном берегу, «Ева» — на другом. Между ними пролегла черная щель, шириной в лезвие ножа.

А сверху, прижимая бумагу к подушке, лежал он.
Ошейник.

Черная кожа, белое золото. Тот самый, который я запрещал ей снимать. Тот самый, который она оставила утром на тумбочке в гостевой.

Теперь он лежал здесь. Свернутый в тугую спираль. Как ядовитая змея, готовая к броску.

Я медленно подошел к кровати. Ноги налились тяжестью. Я протянул руку и взял ошейник. Кожа была холодной. Замок был расстегнут.

Это был не просто жест. Это был плевок в лицо.

Она не просто ушла. Она отреклась.

Она вернула мне символ моей власти, превратив его в кусок бесполезной кожи.

«Инвентарный номер один свободен».

Ее слова в той квартире звучали в моей голове набатом.

Я сжал ошейник в кулаке так, что золотой замок впился в ладонь до боли.

— Сука... — выдохнул я.

Ярость, горячая, ослепляющая, наконец-то прорвала плотину шока.

Я размахнулся и со всей силы швырнул ошейник в стену. Он ударился о большое зеркало в тяжелой раме.

Дзынь!

Звук бьющегося стекла показался мне самым правильным звуком за этот вечер. Паутина трещин разбежалась по амальгаме, искажая мое отражение. Теперь на меня смотрел не уверенный в себе хозяин жизни, а какой-то перекошенный, разъяренный мужик в расстегнутой рубашке.

Я тяжело дышал, глядя на осколки.

Ты думаешь, это конец, Ева? Ты думаешь, ты можешь просто разрезать бумажку, бросить ошейник и исчезнуть?

Ты забыла, с кем связалась.

Я — Волк. Я не отпускаю свое.

Я вышел из спальни, хлопнув дверью так, что задрожали стены. Мне нужен был воздух. И алкоголь.

Я прошел в кабинет. Здесь все было по-старому. Мой дубовый стол, кожаное кресло, мониторы. Моя крепость.

Я подошел к бару и налил себе виски. Полстакана. Без льда.

Выпил залпом, не чувствуя вкуса. Жидкость обожгла горло, но тепла не дала.

Я сел за стол и включил компьютер. Пальцы летали по клавиатуре.

Так. Отставить эмоции. Включить профессионала.

— Где ты, птичка? — пробормотал я, запуская программу трекинга.

Первым делом — телефон.

Сигнал отсутствовал.

«Абонент не в сети. Последняя геопозиция — 20:15, набережная Мартынова».

Это рядом с домом. Она вышла, прошла пешком до набережной и... выключила телефон? Или выбросила симку?

Умно. Она знает, как работает биллинг.

Я проверил счета.

Движения средств нет. Карты активны, но операций ноль. Я проверил GPS на ее машине.

«Range Rover» стоял на парковке у дома. Двигатель заглушен в 14:00 (когда она вернулась с «разведки»). С тех пор машина не двигалась.

Я откинулся на спинку кресла.

У нее нет машины. У нее нет телефона. У нее нет денег (наличных у нее было немного, я контролировал кэш).

На улице октябрь. Ночь. Дождь.

Куда она пойдет?

К родителям? Они умерли.

К подругам? У нее их нет. Я позаботился о том, чтобы ее круг общения ограничивался мной и «полезными» людьми вроде жен партнеров, с которыми она не была близка.

В гостиницу? Без паспорта? (Стоп. Паспорт.)

Я выдвинул ящик ее стола, где она хранила документы.

Пусто.

Загран, российский паспорт, документы на машину — все исчезло.

Ладно. Она может заселиться в отель. Но чем она будет платить?

Если она снимет деньги с карты — я увижу локацию банкомата. Если оплатит картой — я увижу отель.

Она не дура. Она не будет пользоваться картами.

Значит, у нее есть заначка. Сколько? Тысяч пятьдесят? Сто?

Надолго этого не хватит.

Я налил себе еще виски.

Мой гнев начал трансформироваться в холодное, злое спокойствие.

Она загнала сама себя в угол.

Она думает, что это «холодный триумф». Ушла в ночь, гордо хлопнув дверью.

Но реальность — это не роман. Реальность — это холод, голод и отсутствие комфорта, к которому она привыкла за семь лет.

Она проживет пару дней в каком-нибудь клоповнике. Посчитает копейки. Поймет, что ее реставрация никому не нужна, что без моих заказов и связей она — никто.

И она вернется.

Или позвонит Артуру, чтобы он выступил посредником.

И тогда мы поговорим. Но разговор будет уже на моих условиях.

Я сделал глоток, смакуя дорогой односолодовый вкус.

— Ты просто удлинила поводок, Ева, — сказал я в пустоту кабинета. — Ты думаешь, ты сорвалась с цепи? Нет. Ты просто бегаешь по кругу. И когда ты выдохнешься, продрогнешь и проголодаешься, я буду ждать.

И тогда ошейник вернется на место. Но замок я заменю. На такой, который открыть смогу только я.

Мой телефон на столе завибрировал, нарушая тишину.

Я бросил взгляд на экран.

Кира.

Лицо скривилось само собой.

Я вспомнил ее в той квартире. Заплаканную, с потекшей тушью, мычащую в кляп.

В присутствии Евы она казалась мне грязным пятном. Ошибкой. Дешевкой.

Я нажал кнопку «Отклонить».

Она перезвонила тут же.

— Нстойчивая сука, — прошипел я.

Я нажал «Принять», но только для того, чтобы поставить точку.

— Руслан! — ее голос в трубке был визгливым, истеричным. — Ты бросил меня! Ты просто ушел! Ты хоть представляешь, как я отвязывалась?! Я сломала ноготь, у меня синяки...

— Пошла вон, — сказал я тихо.

— Что?! Да ты... Ты мне должен! За моральный ущерб!
Твоя психованная жена...

— Если ты еще раз позвонишь мне, — перебил я ее ледяным тоном, — или напишешь, или попытаешься подойти ко мне ближе чем на километр... Я уничтожу тебя. Я сотру тебя в порошок, Кира. Ты знаешь, я могу. Забудь мое имя. Забудь мой номер. Ты для меня умерла.

Я нажал отбой.

И заблокировал контакт.

После стерильной чистоты поступка Евы, после ее гордого молчания, визги Киры вызывали у меня физическое отвращение. Я чувствовал себя так, словно испачкался в дерьме, и теперь мне нужно было долго отмываться.

Я подошел к окну.

Город внизу сиял огнями. Где-то там, в этом каменном лабиринте, бродила моя жена. С чемоданом железок и разрезанным сердцем.

Мне вдруг стало жаль ее. Глупая, гордая девочка.

Она не понимает, что воет не со мной. Она воет с системой, которая сильнее ее.

Я прижался лбом к холодному стеклу.

— Беги, Ева, — прошептал я. — Беги, пока можешь. По-

чувствуй вкус этой хваленной свободы. Нажрись ею досыта.
А когда тебя начнет тошнить от одиночества и страха... я
буду здесь.

Глава 15

Я открыла глаза.

Надо мной нависал серый, потрескавшийся потолок мансарды на Васильевском острове. Сквозь пыльное окно пробивался скупой петербургский свет — мутный, как прокисшее молоко.

Я лежала на старом диване, укрытая собственным пальто. Мои ноги были ледяными.

Первой мыслью было: «Где мой кофе?». Мой организм, избалованный годами безупречного сервиса, требовал ритуала. Обычно в это время я слышала шум кофемашины, чувствовала аромат свежего помола и знала, что через минуту в спальню войдет Руслан...

Руслан.

Имя мужа прозвучало в голове как скрежет металла по стеклу. Картинка реальности сложилась мгновенно. Квартира 74. Кира. Разрезанный контракт. Мой побег.

Я резко села. Диван под мной жалобно скрипнул пружинами.

Кофе не будет. И душа с маслами не будет. И завтрака на костяном фарфоре.

Я встала и прошлепала босыми ногами по холодному полу к кухонной нише. В животе урчало от голода. Вчерашний день я прожила на адреналине, но сегодня организм выста-

вил счет.

Я нашла пачку чая, которую заприметила ночью. «Принцесса Нури», срок годности истек еще тогда, когда я верила в вечную любовь. В чайнике была вода — та самая, ржавая, которую я сливала вчера, но теперь она отстоялась.

Я включила плиту. Газ вспыхнул синим цветком с веселым хлопком. Это был единственный живой звук в квартире.

Пока вода закипала, я пошл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.